

**СУБЪЕКТ
ОТСУТСТВУЕТ**

Натан Чивас

Натан Чивас

Субъект отсутствует

<https://litres.ru/74566157>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна уверена, что знает, кто она. Но мир постепенно перестаёт с ней соглашаться.

Зеркала показывают чужие лица. Знакомые называют её чужими именами. Прошлое хранит события, которых она не помнит.

Чем больше Анна пытается найти настоящую себя, тем ближе подходит к вопросу, ответа на который лучше не знать.

Натан Чивас

Субъект отсутствует

«Самое трудное в человеке - не узнать, кто он.

Самое трудное - заметить момент, когда он уже стал другим.»

Глава первая

Мужчина напротив меня хотел три вещи: переспать со мной, чтобы никто об этом не узнал, и чтобы я после этого немного страдала.

Последнее было самым важным. Первые два желания были обычными и почти не представляли интереса. За несколько сотен лет я успела заметить, что мужчины чрезвычайно переоценивают оригинальность собственных фантазий. Если убрать одежду, возраст, деньги, религию, алкоголь, образование и словарный запас, фантазий останется ненамного больше, чем способов приготовить яйцо.

Зато желание оставить после себя след попадалось куда реже и потому ценилось выше. Алексей Игоревич, сорок девять лет, заместитель председателя правления чего-то достаточно крупного, чтобы визитная карточка была без адреса, хотел не просто получить красивую женщину. Он хотел стать для красивой женщины событием.

Я могла это устроить.

Мы сидели в ресторане на Большой Никитской. Алексей Игоревич уже сорок минут рассказывал мне, как случайно оказался в банковской сфере, хотя из его анкеты я знала, что он работал в ней двадцать четыре года. Люди часто называют случайностью то, на что потратили половину жизни, когда хотят создать впечатление, что судьба сама долго за ними бегала.

- Деньги вообще никогда не были для меня мотивацией, - сказал он и посмотрел, услышала ли я.

Я услышала. На нём были часы стоимостью примерно в мою московскую квартиру, если бы московская квартира у меня действительно была, а не существовала только в документах. Пиджак сидел хорошо, зубы были сделаны ещё лучше, и весь он производил впечатление человека, который давно научился покупать вещи до того, как успевал по-настоящему захотеть их.

Я улыбнулась.

Этого хватило.

В человеке всегда есть короткая секунда, когда желание перестаёт относиться к другому и разворачивается обратно к самому желающему. Алексей Игоревич увидел мой интерес - точнее, то, что принял за интерес, - и почти мгновенно стал в собственных глазах другим человеком. Более свободным. Более опасным. Немного моложе. Тем, который может в четверг вечером сидеть напротив женщины на двадцать лет моложе и не иметь перед ней никаких обязательств.

Вот этим я и питалась.

Люди когда-то решили, что существа вроде меня высасывают жизненную силу во время совокупления. Версия прижилась, потому что человеку приятно считать собственную усталость доказательством мистического приключения. На самом деле секс почти никогда не был необходим. Иногда он даже мешал. До близости человек способен месяцами производить великолепную смесь надежды, страха, тщеславия и воображения. После близости всё часто сводится к необходимости вызвать такси.

Люди вообще странно устроены: им кажется, что тело является самым интимным местом. На самом деле самое интимное у них - та минута, когда они впервые верят в собственную значительность. Раздеть человека проще, чем заставить его в момент, когда он сам себе нравится.

Я позволила Алексею Игоревичу рассказать ещё одну историю. В ней он отказался от крайне выгодной сделки из принципиальных соображений и впоследствии оказался прав. История была старой - такие вещи слышны. Новые воспоминания ещё имеют края, старые давно отполированы пересказами.

Потом он спросил:

- А ты почему одна?

В агентстве меня учили не отвечать на такие вопросы слишком быстро. Клиент должен думать, что интересуется женщиной, а не заполненной для него анкетой. Агентство

называлось «Второе дыхание», и я работала там консультантом по персональному подбору. Название мне не нравилось. Второе дыхание обычно появляется у человека, который уже устал, но зачем-то продолжает бежать. Для нашей клиентуры это было довольно точным описанием, хотя владельцы компании вряд ли вкладывали именно такой смысл.

В нашей базе люди выглядели честнее, чем в жизни. Возраст, доход, разводы, дети, фотографии, предпочтения, страхи, аккуратно замаскированные под требования к партнёру. Человек мог сколько угодно рассказывать, что ищет любовь. Анкета обычно показывала, какую версию себя он хочет получить через чужое тело.

- Может быть, не встретила подходящего, - сказала я.

Алексей улыбнулся. Это был правильный ответ. В нём сохранилось всё необходимое: комплимент его возможностям, намёк на мою избирательность и небольшая дверь, в которую он мог войти, если сумеет убедить себя, что вошёл сам. Он положил руку на стол чуть ближе к моей. Желание стало плотнее.

Я вдохнула.

Конечно, физического вдоха не требовалось. Я дышала потому, что человеческое тело должно дышать, а не потому, что воздух имел для меня какое-то принципиальное значение. Но за века некоторые жесты перестают быть притворством. Если долго изображать необходимость, она начинает походить на привычку, а привычка - ближайший родствен-

ник природы.

Я взяла то, что он мне давал. Совсем немного.

У него на секунду изменилось лицо. Не побледнело, не осунулось - ничего такого, что любят показывать в плохих фильмах. Просто тот Алексей Игоревич, который пять секунд назад казался самому себе особенно удачной версией мужчины, вдруг исчез. Остался человек сорока девяти лет, который утром должен был присутствовать на совещании, вечером соврал жене про встречу с партнёрами и сейчас сидел перед женщиной, которой практически ничего о нём не было интересно.

Это состояние они чаще всего принимали за трезвость.

- Устала? - спросил он.

Я покачала головой. Он принял моё молчание за приглашение продолжить и заговорил о путешествиях. Я почти перестала слушать. Голод отступил. Можно было заканчивать встречу.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Сообщение от Лены, нашего администратора: «Когда закончишь, зайди. Тут проблема».

Слово «проблема» в агентстве имело множество значений. Клиент врал о браке. Клиентка - о возрасте. Кто-нибудь обнаруживал, что «индивидуальный подбор» не предполагает наличие склада людей нужного пола в соседней комнате. Иногда приходил муж. Однажды пришла жена вместе с мужем, причём оба оказались нашими клиентами и искали

примерно друг друга, только на десять лет моложе.

Я сказала Алексею Игоревичу, что мне пора. Он сразу предложил подвезти. Я отказалась. Предложил продолжить где-нибудь ещё. Я улыбнулась ровно настолько, чтобы он не понял отказ окончательным. Это было профессионально и одновременно удобно для питания. Незаконченные желания хранятся дольше завершённых.

Перед дверью ресторана он всё-таки спросил:

- Увидимся ещё?

- Возможно.

В его лице тут же появилась та самая улучшенная версия самого себя. Отказ не прозвучал. Значит, вечер оставался успехом. Он уехал с надеждой и лёгким беспокойством, а я почувствовала приятное тепло, которое у моего вида заменяло сытость.

Люди называли нас по-разному. Суккубами. Ночницами. Марами. Ведьмами. Иногда просто шлюхами, что было одновременно самым грубым и самым неточным определением. В каждой культуре мужчины сначала придумывали женщину, на которую можно свалить собственное желание, а затем религию, объясняющую, почему в этом желании виновата именно она.

Никакого собственного названия у нас не сохранилось. Может, его и не было. Я называла себя Анной последние восемнадцать лет. До этого была Лидией, ещё раньше Елизаветой, некоторое время Алисой, что оказалось ошибкой: в де-

вяностые каждая вторая женщина, представлявшаяся Алисой, либо занималась недвижимостью, либо знала людей, которые занимались недвижимостью.

Самым старым своим именем я считала Агату, хотя не могла поручиться, что действительно носила его. Память существ моего возраста устроена ещё менее надёжно, чем человеческая. Просто у нас гораздо больше времени, чтобы принять выдуманное за воспоминание.

В агентстве было тихо. Последняя клиентка ушла, охранник смотрел телефон, Лена сидела за стойкой и нервно крутила ручку. У нормального администратора ручка не крутится просто так. У нормального администратора ручка крутится, когда человек уже понял проблему, но ещё надеется, что кто-нибудь другой назовёт её первым.

- Покажи, - сказала я.

Лена развернула ко мне монитор.

Первым был Виктор Павлович Зуев. Пятьдесят два года, владелец сети магазинов строительных материалов, развёлся два года назад. У нас он искал женщину от тридцати до тридцати восьми, «самостоятельную, но умеющую создавать домашний уют». Когда человек одновременно хочет самостоятельность и домашний уют, это обычно означает, что женщина должна самостоятельно создавать уют там, где он его пожелает.

Во внутренней системе рядом с его именем стоял жёлтый статус: «расторжение». Ниже - сухая машинная пометка:

«мотивация к подбору снижена». Прогноз по активным кандидатам не построился. Машина ещё видела Виктора Павловича как клиента, но уже не понимала, что ему предлагать.

- Он сегодня приехал лично, - сказала Лена. - Сказал вернуть остаток, а если нельзя - оставить.

Вот это уже было необычно.

Я знала Виктора. Деньги он воспринимал не как средство платежа, а как маленьких сотрудников, каждый из которых обязан был приносить результат. Оставить агентству неиспользованный остаток было для него примерно тем же, чем выпустить из машины полный бак бензина на асфальт.

В заявлении на строке «Причина расторжения» Виктор собственноручно написал: «Потеря интереса».

Не к женщине. Не к подбору. Ко всему.

Лена показала мне внутреннюю записку, составленную уже после его визита: дом в Истре выставлен на продажу, машина передана дилеру, выход из совета директоров согласован, квартира готовится к переоформлению на дочь. В графе «планы» не было ничего. Даже система, обычно радостно превращавшая человеческую тревогу в выпадающие списки, сдалась и оставила поле пустым.

Я ещё раз посмотрела на подпись. Виктор Павлович был хорошей пищей. Не лучшей, но стабильной. В нём постоянно работало несколько двигателей одновременно: выглядеть моложе, чем он был, казаться богаче, чем требовалось, получить красивую женщину, которая при этом не заинтересо-

валась бы его деньгами, и доказать бывшей жене, что развод сделал его счастливее. Такие люди могут питать одну из нас десятилетиями, особенно если периодически добиваются желаемого и обнаруживают, что этого недостаточно.

Один человек мог передумать. Один человек мог заболеть, попасть к психологу, вступить в секту, испугаться смерти, услышать от дочери что-нибудь неприятное или просто проснуться утром с редким приступом здравого смысла.

Но Лена не зря крутила ручку.

Она открыла вторую карточку.

Игорь Кравцов. Сорок шесть. Девелопмент. Женат никогда не был, что в его анкете подавалось как следствие высоких стандартов, а не как событие, причины которого могли заинтересовать психотерапевта. Я встречалась с ним месяц назад. Он хотел меня почти так же сильно, как хотел, чтобы я поняла, что женщины никогда не были для него проблемой. Это сочетание всегда давало хороший вкус.

Причина расторжения занимала одно слово: «Неактуально».

Не «нашёл». Не «дорого». Не «нет времени». Не «передумал». Неактуально. Так люди пишут про старую подписку, доставку еды или промокод, который не сработал. Игорь Кравцов так написал про собственную будущую жизнь.

Третья карточка открылась без просьбы.

Татьяна Орлова. Сорок один год, владелица стоматологии, искала мужчину «не слабее себя», под чем подразумева-

ла мужчину, способного зарабатывать больше, но не демонстрировать это слишком заметно. Она отменила все встречи и сказала Лене, что устала хотеть понравиться людям, которые ей не нравятся.

- По-моему, это просто здравый смысл, - сказала я.

- Она клинику продаёт.

Улыбка исчезла.

- Чем хочет заниматься?

Лена посмотрела на меня. Вот теперь в ней появился настоящий страх.

- Ничем.

Я почувствовала что-то похожее на сквозняк.

Три заявления лежали передо мной как медицинские снимки одной болезни. У Виктора - «Потеря интереса». У Игоря - «Неактуально». У Татьяны - усталость хотеть понравиться людям, которые ей не нравятся. По отдельности это могло сойти за кризис среднего возраста, позднее прозрение или неудачный разговор с психологом. Вместе выглядело хуже. Не как новые желания. Как отсутствие места, где они должны были появиться.

Москва ежедневно производит странные решения: люди бросают бизнес, семью, карьеру, секс, религию, алкоголь. Но желание редко исчезает. Оно переодевается. Миллионер начинает хотеть духовности, женщина - свободы, чиновник - Бога, алкоголик - марафон, семейный человек - молодую любовницу. Даже монахи хотят перестать хотеть, а это, ес-

ли смотреть внимательно, довольно энергичная форма желания.

Человек без желания почти не встречается. Я знала это не теоретически. Для меня оно было такой же реальностью, как для людей температура или запах.

Человек без большого желания не становился свободным. Он становился помещением после выезда жильцов: чистым, тихим и уже никому не нужным. В нём ещё можно было включить свет, поставить чайник, починить забор. Но жить там было некому.

Я подвинула к себе клавиатуру и открыла историю событий по трём клиентам. Анкеты, встречи, отмены, внутренние заметки консультантов, переписки, календарь, служебные посещения офиса. Люди врут лицом, голосом, браком, возрастом, доходом и фотографиями десятилетней давности. Цифровой след врёт реже. Он не объясняет, зачем человек пришёл, но почти всегда помнит, что он был рядом.

Виктор виделся с двумя кандидатками и приезжал во вторник. Игорь был в четверг. Татьяна приходила в понедельник. Разные дни, разные консультанты, разные сценарии. Ничего общего, если смотреть по-человечески. Слишком много общего, если смотреть как система.

- Они между собой знакомы? - спросила я.

- Нет.

- Один консультант?

- Нет.

Больше Лена мне была не нужна. Люди часто думают, что расследование состоит из вопросов. На самом деле хорошие вопросы появляются только после того, как ты перестал верить первым ответам.

Я уже собиралась закрыть расписание, когда увидела одну строку. Виктор Павлович посещал офис во вторник не только ради консультации. В календаре рядом стояло внутреннее служебное событие: «Юридические документы. А.С. Мельников».

Я открыла четверг. Время визита Игоря совпадало со встречей А.С. Мельникова с директором агентства.

Понедельник. Татьяна. Снова Мельников.

Три клиента. Три обнуления. Один чужой человек в календаре.

Совпадения бывают. Я прожила достаточно долго, чтобы не впадать в истерику из-за совпадений. Но ещё я прожила достаточно долго, чтобы знать: если совпадение оставляет след в расписании, оно уже не совсем совпадение.

- Кто такой Мельников?

Лена посмотрела на монитор, будто надеялась, что там появится нормальный ответ.

- Не наш. От арендодателя, кажется. У здания новый собственник. Они что-то с договорами делают.

- Как выглядит?

Она задумалась.

- Обычный.

Я терпеть не могла это определение.

- Мужчина. Лет сорок пять. Может, больше. Тёмные волосы. Не толстый, не худой. В пальто каком-то.

Описание человека, которого можно искать до конца времён.

Я взяла телефон и написала директору. Ответ пришёл почти сразу: «Андрей Сергеевич Мельников, представитель владельца. Завтра будет около 11».

Андрей.

Я не почувствовала ничего необычного. Имя как имя.

На следующее утро я приехала в офис раньше обычного. Не из-за Андрея Сергеевича. По крайней мере, именно это я сказала себе.

Я вообще не считала три расторгнутых договора серьёзным поводом для беспокойства. За свою жизнь я наблюдала эпидемии, войны, революции, появление антибиотиков, исчезновение корсетов и возвращение брюк такой ширины, которую человечество уже однажды имело возможность оценить. На этом фоне трое обеспеченных москвичей, внезапно потерявших интерес к потреблению, выглядели скорее статистической погрешностью.

В десять сорок пять пришёл Андрей Сергеевич.

Первое разочарование состояло в том, что Лена описала его довольно точно. Он действительно был обычным. Сорок семь, может быть пятьдесят. Рост чуть выше среднего. Серое пальто, тёмный свитер, никаких заметных часов. Лицо чело-

века, которого можно встретить в очереди за кофе и через пять минут не вспомнить. Он поздоровался с Леной, передал какие-то бумаги и спросил, где кабинет директора.

Я находилась метрах в шести.

Он посмотрел на меня.

Вот тогда стало интересно.

Я привыкла чувствовать мужское желание раньше, чем мужчина сам решал, что именно чувствует. Оно редко появляется как готовая мысль. Сначала меняется внимание. Взгляд задерживается на долю секунды. Человек расправляет плечи. Голос становится ниже или мягче. Он слегка меняет положение тела относительно пространства: поворачивается к женщине ещё до того, как признаёт, зачем.

Андрей Сергеевич меня захотел.

Без сомнений. Достаточно сильно.

Я ждала следующего движения.

Его не произошло.

Никакого дополнительного мужчины рядом с ним не возникло. Он не стал богаче в собственном представлении. Не стал моложе. Не увидел себя моим возможным любовником, победителем, хозяином ситуации или человеком, на которого я должна обратить внимание. Желание было чистым и почти бессмысленным. Я почувствовала его. Но взять не смогла.

Это было всё равно что почувствовать запах еды за стеклом.

Я даже не сразу поняла, что злюсь. Не на него. На устройство мира, которое вдруг допустило запах без пищи, желание без добычи и мужчину без полезной лжи о самом себе.

Андрей Сергеевич спокойно отвёл взгляд.

- Анна Викторовна? - спросил он.

Я не сразу поняла, что обращаются ко мне.

- Да.

- Нам, кажется, нужно будет подписать дополнительное соглашение по вашему кабинету. Вы арендуете его отдельно от агентства.

Это было правдой. Так сделали много лет назад по причинам, которые сейчас уже никто не помнил.

- Хорошо.

- После двенадцати будете?

- Буду.

- Тогда занесу.

Он кивнул и ушёл к директору.

Я осталась возле стойки. Лена что-то говорила о курьере, но я не слушала.

За несколько сотен лет мне попадались мужчины, не интересовавшиеся женщинами. Мужчины, которые боялись женщин. Мужчины, любившие только одну женщину. Мужчины, слишком больные, старые, пьяные, влюблённые, религиозные или занятые собой. Были даже те редкие несчастные, которые действительно видели в женщине прежде всего другого человека.

Все они желали по-разному. Но механизм оставался одним. Желание меняло того, кто желает.

С Андреем этого не произошло.

Я подошла к стеклянной двери кабинета директора. Сквозь матовую полосу было видно его силуэт. Андрей сидел напротив стола и слушал. Через несколько минут директор засмеялся. Андрей что-то ответил.

Потом произошло едва заметное движение, которое я почувствовала даже через стену.

Желание исчезло.

Не его желание ко мне. Другое. Чужое.

Директор агентства восемь лет хотел выкупить помещение, в котором мы сидели. Я знала это совершенно точно. Желание было старым, жирным, прекрасно откормленным, обросшим разговорами с банками, расчётами, обидой на владельцев и мечтой однажды снять вывеску «аренда» с бухгалтерских документов.

Оно исчезло за несколько секунд.

Я открыла дверь без стука. Директор поднял голову.

- Ань?

Андрей обернулся.

- Извини, - сказала я. - Хотела спросить, мы всё ещё собираемся покупать помещение?

Директор посмотрел на меня так, словно вопрос относился к прошлой жизни.

- Зачем?

Я ничего не ответила.

- Серьёзно, - продолжил он. - Я вчера ещё подумал. На кой оно нам? Привяжем деньги, потом ремонт, налоги. Арендуем и арендуем.

Он говорил так, будто восемь лет разговоров с банками, расчётов, обид и мечтаний принадлежали не ему, а человеку, который только что вышел из комнаты и унёс с собой причину возвращаться.

Никакого сожаления. Никакой попытки убедить себя. Никакого другого желания, спешащего занять освободившееся место. Просто больше не хотел.

Андрей Сергеевич наблюдал за мной. Впервые за утро в его лице появилось что-то похожее на интерес. Не сексуальный. Профессиональный.

Всё встало на место сразу и неприятно: трёх клиентов действительно связывал Андрей Сергеевич Мельников. И он уже видел, что я это вижу.

Он улыбнулся совсем немного. Желание снова коснулось меня - сильное, спокойное, совершенно непригодное в пищу.

И впервые за очень долгое время я почувствовала голод сразу после завтрака.

Глава вторая

Андрей Сергеевич пришёл ко мне в кабинет в двенадцать семнадцать с папкой документов под мышкой и тем же выражением лица, которое у людей обычно означает отсутствие намерения задерживаться.

Я к этому моменту успела дважды пожалеть, что вообще заинтересовалась им, и один раз проверить в зеркале, не стало ли со мной чего-нибудь заметного. Ничего не стало. Лицо было моё, тело тоже, голод после вчерашней встречи с Алексеем Игоревичем успел притупиться, хотя странное ощущение пустоты после появления Андрея никуда не делось. Он положил передо мной бумаги и объяснил, что новый собственник здания приводит договоры аренды к единой форме. Я слушала вполуха. В обычном мужчине сексуальное желание всегда создаёт второе течение. Он может обсуждать налоговую ставку, ипотеку или смерть любимой собаки, но если хочет женщину, какая-то часть его внимания всё равно остаётся рядом с её телом. Андрей не был исключением. Я чувствовала это совершенно ясно. Он замечал мои руки, движение волос, расстояние между нами, запах духов. Его организм реагировал нормально. Ненормальным было всё остальное.

Я встала, обошла стол и села не напротив, а рядом. Между нами осталось меньше метра. Андрей поднял глаза. Влечение усилилось. Я позволила ему задержаться. Обычно после этого начиналось самое полезное: мужчина переставал просто видеть женщину и начинал видеть себя рядом с ней. Внутри него появлялось будущее - пусть короткое, даже длинной в один вечер. Он представлял прикосновение, ответный взгляд, гостиничный номер, утро, сообщение, которое отправит или не отправит. Вместе с этим росла другая версия

его самого. Её я и брала.

У Андрея ничего не выросло. Желание осталось сильным, спокойным, направленным прямо на меня. Я придвинулась ещё немного и взяла у него ручку. Наши пальцы соприкоснулись. В обычном человеке этого было бы достаточно хотя бы для небольшого всплеска. Иногда смешного, иногда грубого, но всегда узнаваемого. В Андрее произошло другое. Что-то исчезло. Не у него. У меня. Сначала я подумала, что ошиблась. Потом почувствовала совершенно отчётливо: вчерашняя сытость, оставшаяся после Алексея Игоревича, стала слабее. Будто кто-то открыл внутри меня маленький кран и выпустил часть накопленного. Обычно рядом со мной мужчины начинали занимать больше места в собственном воображении. С Андреем всё работало наоборот: место теряла я.

Я отдернула руку. Он заметил. Я сказала, что бумага режет. Андрей посмотрел на мои пальцы. Пореза не было. Он произнёс короткое «понятно» с той человеческой вежливостью, которая всегда раздражала меня сильнее прямого вопроса. Люди часто говорят «понятно» не потому, что поняли, а потому что хотят оставить себе достоинство перед чужой странностью. Он продолжил объяснять договор. Я уже не слушала. Мне хотелось повторить контакт и одновременно хотелось, чтобы он немедленно ушёл.

Последнее чувство показалось особенно неприятным. За несколько веков я привыкла считать людей скорее источ-

никами обстоятельств, чем обстоятельствами сами по себе. Опасный мужчина мог ударить, донести, ограбить, вызвать полицию, привести других мужчин. Но сам по себе человек редко представлял для моего вида серьёзную угрозу. Андрей ничего мне не сделал. Он просто сидел рядом. И от этого я становилась голоднее.

Я подписала документы. Он собрал листы. Можно было отпустить его, вернуться к работе, позволить Лене принести очередную проблему, съесть кого-нибудь попроще вечером и сделать вид, что мир не дал трещину ровно посередине моего способа выживать. Вместо этого я положила ладонь ему на запястье.

Теперь это было уже не кокетство. Андрей замер. Я почувствовала его желание настолько ясно, что на мгновение даже поверила: сейчас получится. Оно действительно было сексуальным. Никакой святости, подавления или импотенции. Его тело хотело моего тела. Но вокруг этого желания по-прежнему не возникало привычной оболочки. Не было мужчины, который рядом со мной собирался стать лучше, моложе, сильнее, опаснее, значительнее. Не было будущей версии себя, за которую можно зацепиться. Было тело. Было внимание. Было влечение. Пищи не было.

Я попыталась взять напрямую и получила пустоту.

Не ноль. Минус.

Голод ударил резко, почти больно. Комната на секунду потеряла цвет. Моё отражение в тёмном стекле шкафа дрогну-

ло, будто женщина внутри стекла отстала от меня на полсекунды и теперь решала, стоит ли догонять. Я убрала руку.

Андрей смотрел уже иначе. То, что вчера я приняла за профессиональный интерес, оказалось знанием. Не полным. Но достаточным, чтобы смотреть на меня без обычной мужской самоуверенности. Он спросил, нехорошо ли мне. Я ответила, что пройдёт. Он сказал, что обычно проходит. Вот тогда я впервые услышала в его спокойствии не вежливость, а опыт. Он видел такое раньше. Или делал. Или был рядом. В любом случае слово «обычно» в его устах стало хуже угрозы.

Он застегнул папку и сказал, что я выгляжу человеком, который привык получать ожидаемый результат. Я улыбнулась и сказала, что он выглядит человеком, который очень старается казаться обычным. Он ответил:

- Не стараюсь.

Без вызова. Без игры. Поэтому я ему поверила.

Телефон на столе завибрировал раньше, чем я успела решить, стоит ли продолжать. Звонила Лена. Я сбросила. Она позвонила снова. Когда администратор звонит человеку, находящемуся двадцать метров от неё, значит, либо произошло что-то серьёзное, либо ей лень вставать. Лена ленивой не была. Через минуту Андрей ушёл, а я уже натягивала пальто.

Виктор Павлович Зуев исчез.

Его дочь приехала в агентство сама. Женщина лет двадцати пяти, испуганная и злая одновременно, говорила быст-

ро, будто от скорости речи зависела вероятность найти отца. Виктор не отвечал на телефон с вечера. В городской квартире его не было. Машина стояла у дилера, документы на дом уже передали риелтору, помощник на работе сообщил, что Виктор подписал всё необходимое для выхода из компании и попросил его больше не беспокоить. Я спросила, есть ли ещё жильё. Она вспомнила про старую дачу родителей в районе Икши. Дом стоял почти пустым лет десять. Виктор собирался продать его несколько раз, но каждый раз откладывал.

Через сорок минут я уже ехала туда. Не потому, что собиралась заниматься поиском пропавших клиентов. Просто мне нужно было увидеть человека, которого Андрей лишил желания. Если это делал он. По дороге я думала о своей руке на его запястье. Память тела - странная вещь даже у существа, которое не до конца уверено, что тело принадлежит ему. Я всё ещё могла восстановить тепло его кожи и тот короткий момент, когда моё собственное существование будто стало менее убедительным. Это раздражало сильнее голода.

Дом Виктора Павловича я нашла почти в сумерках. Старое садовое товарищество, нормальная дорога только до ворот, потом снег с грязью и редкие фонари. Его «Ленд Крузера» у дома не было. Вообще никаких машин не было. Сам Виктор стоял во дворе и пилил доску. Я узнала его не сразу. В агентство он приезжал в дорогих костюмах, с водителем и телефоном, который звонил каждые три минуты. Сейчас на нём были старые спортивные штаны, куртка неопределённо-

го возраста и шерстяная шапка. Пила застряла в доске.

Он выругался, дёрнул сильнее и только тогда увидел меня.

- Анна?

Он выглядел совершенно нормальным. Это было хуже всего. Без безумного блеска в глазах, без просветлённой улыбки, без бутылки, без религиозной литературы на крыльце. Просто усталый мужчина, который возился с забором.

Я сказала, что его ищет дочь. Виктор поморщился так, будто дочь была не испуганным человеком, а неудобным уведомлением. Телефон действительно сел. Зарядки в доме не было. Предупреждать, по его мнению, оказалось некого. Эта маленькая бытовая деталь ударила сильнее проданного дома и машины у дилера. Раньше Виктор всегда жил в системе адресатов: жена, дочь, водитель, помощник, юрист, любовница, бухгалтер, враги. Его отсутствие обязательно кому-нибудь принадлежало. Теперь оно стало ничьим.

Потом он поставил пилу к стене и спросил, буду ли я чай.

Через десять минут мы сидели в доме на кухне, где пахло холодным деревом, пылью и газовой плиткой. Виктор налил чай в две разные кружки. В одной было написано «Лучший папа», у второй отбилась ручка, и её держали как стакан. Я наблюдала за ним и почти не чувствовала желания. Раньше Виктор был заполнен им до краёв. Желание заработать ещё, выглядеть успешнее, доказать бывшей жене ошибку, найти женщину, купить ещё один дом, похудеть, снова набрать вес, потому что врач запретил сладкое. Теперь всё исчезло. Не

заменилось. Исчезло.

В России человек вроде Виктора обычно держится не на душе, а на документах: выписка из ЕГРН, доля в компании, машина в подземном паркинге, дом за городом, часы, которые должны были пережить и тело, и брак. Всё это ещё существовало. Просто внутри Виктора больше не было человека, которому требовались эти доказательства.

Он сказал, что вчера сидел дома и смотрел на часы. Те самые, за пять миллионов. Думал, что изменится, если их снять. Потом посмотрел на квартиру, машину, дом, компанию и увидел везде одно и то же. Он собирал всё это годами, потому что ему казалось: после следующей вещи наступит состояние, ради которого всё и делалось. Станет нормально. Нормально не стало. Ему просто расхотелось проверять.

Я почувствовала почти физическое отвращение. Не к Виктору. К тому, что с ним произошло. Живой человек сидел передо мной, пил чай, держал кружку с отбившейся ручкой и рассказывал о собственном внутреннем исчезновении так, будто наконец разобрал шкаф. Самое страшное в нём было не равнодушие. Самое страшное - отсутствие горя по тому, кого он потерял. Он не оплакивал прежнего Виктора. Он даже не считал, что тот умер.

Я спросила, встречался ли он с Андреем Мельниковым. Виктор подумал и вспомнил смутно: да, вроде, говорили про помещение. В его памяти эта встреча лежала рядом с забором, севшим телефоном и холодным чайником. Никакого

ужаса. Никакой точки перелома. Человек редко замечает момент, когда из него вынимают двигатель. Он просто потом удивляется, почему больше никуда не едет.

Я обвела рукой кухню, пытаюсь объяснить, что спрашиваю не про документы и не про помещение. Виктор рассмеялся.

- Забор?

Я не стала отвечать.

Человек, потерявший желание, не выглядел мёртвым. Это нарушало красивую теорию, которую я успела построить за последние сутки. Он хотел есть. Хотел починить забор. Хотел, чтобы дочь перестала волноваться. Но всё это были желания другого порядка - короткие, простые, не создававшие вокруг человека второй жизни. Он не хотел стать кем-то. Вот чего в нём больше не было.

Я попробовала слегка коснуться его обычным способом. Ничего. Виктор был почти несъедобен. Он заметил мой взгляд и спросил, зачем я приехала на самом деле. Я сказала, что попросила дочь. Он не поверил. Это было почти приятно: маленькое сопротивление прежнего Виктора, последняя бытовая искра человека, который ещё недавно мог спорить с миром из-за процента по кредиту и места на парковке.

Он снова взял кружку. Я почувствовала слабое желание понравиться мне своей шуткой. Совсем маленькое. Почти сразу оно погасло. Не исчезло насильно. Просто Виктор перестал за него держаться. Мне стало холодно.

Снаружи хлопнула дверца машины. Виктор выглянул в

окно.

- О, Андрей приехал.

Я медленно поставила чашку.

Он вошёл без стука, как человек, которому разрешили приезжать сюда раньше. В руках была папка и пакет из магазина. Увидев меня, Андрей остановился. Не удивился. Остановился. Виктор забрал у него пакет, сказал что-то про зарядку и документы и ушёл в другую комнату. Мы остались вдвоём. Андрей снял пальто и повесил на крючок.

Он заметил, что я быстро ищу объяснения. Я сказала, что он быстро избавляет людей от жизни. В его лице что-то изменилось. Почти ничего, но я уже начинала понимать: с Андреем «почти ничего» часто было максимальной доступной громкостью.

Он сказал, что Виктор жив. Да. Жив. Пил чай, пилил доску, искал зарядку, узнавал меня, шутил. Самая удобная форма катастрофы - та, которую можно назвать жизнью и больше ни за что не отвечать.

Андрей сказал, что желание и жизнь - разные вещи. Сказал спокойно, почти бережно, как врач сообщает пациенту, что ампутация прошла успешно. Ему было удобно так думать. Людям вообще удобно отделять жизнь от того, за счёт чего она держалась, особенно если отрезал не ты.

Он посмотрел в сторону комнаты, где Виктор искал розетку, и сказал, что тот был несчастлив. Теперь счастлив? Андрей не знал. Отличная работа.

Он подошёл ближе. Вот тогда я почувствовала его желание снова. У меня пересохло во рту, хотя это было совершенно бессмысленно физиологически. Андрей сказал, что я его боюсь. Я не боялась. Во всяком случае, так было удобнее считать. Но приехала я не из милосердия, не из профессионального интереса и не из желания помочь дочери Виктора. Я приехала потому, что Андрей портил еду.

Я сказала это вслух.

Он впервые улыбнулся по-настоящему.

- Вот теперь честно.

Мне захотелось ударить его. Это было неожиданно и приятно. Желание было моим. Совсем моим. Не отражённым от мужчины. Не чужим. Не тем, что появлялось во мне как ответ на чужую версию себя. Моё. Злое. Прямое. Некрасивое. Поэтому особенно убедительное. Андрей, кажется, понял раньше меня.

- Осторожнее, - сказал он.

С собственными желаниями, добавил он. Так, будто мои собственные желания были для меня опаснее чужих.

Я сделала шаг к нему. Голод мгновенно усилился. Вместе с ним усилилось и другое. Он хотел меня. Я хотела его. Эти две вещи впервые в моей памяти не давали мне никакого преимущества. Я коснулась его груди ладонью. Он не отступил. На секунду всё вокруг стало очень тихим.

Потом я почувствовала, как из меня уходит сила. Быстро. Не каплями, как в кабинете. Сразу. Я отдернула руку, но

поздно. Кухня качнулась. Лицо Андрея стало чужим, потом снова знакомым. Я ухватилась за край стола.

- Что вы делаете?

Он ответил:

- Ничего.

И это было хуже. Он действительно ничего не делал.

Я вышла на улицу, почти не попрощавшись. До машины было метров тридцать, но уже на середине дороги я поняла, что расстояние оцениваю неправильно. Сначала показалось, что автомобиль стоит совсем рядом, потом - что в конце улицы. Фонари расплылись, снег под ногами стал слишком белым.

Я открыла машину со второй попытки и села за руль. В зеркале заднего вида была незнакомая женщина. Не страшная. Это почему-то испугало сильнее. Ей было около сорока. Тонкие губы, светлые волосы, маленький шрам возле брови. Я никогда не носила такого лица и не помнила никого, у кого могла его взять.

Я отвернулась. Посмотрела снова. Теперь там была Анна.

Я завела двигатель. Машина попросила подтвердить профиль водителя и включила камеру распознавания лица. Обычно это занимало меньше секунды. На экране появился круг. Потом надпись: «Лицо не распознано». Я попробовала ещё раз. Камера посмотрела на меня. «Профиль не найден».

Смешно. Человеческие системы никогда особенно меня не любили. С фотографиями случались расхождения, био-

метрия иногда капризничала. Но эта машина узнавала меня четыре года. Машина не испугалась и не удивилась. В этом цифровые вещи были честнее людей. Они не говорили: «Ты изменилась». Они просто переставали открывать дверь.

Я выбрала гостевой режим и выехала со двора.

На трассе стало хуже. Голод обычно ощущался пустотой внутри тела. Сейчас пустота находилась снаружи. Она словно снимала меня слой за слоем. Сначала я перестала чувствовать запах собственных духов. Потом мне показалось, что руки на руле принадлежат женщине старше меня. Кожа была суше, пальцы длиннее. Я моргнула. Руки снова стали моими.

Телефон зазвонил. Лена. Я включила громкую связь. Она спросила, нашла ли я Виктора. Я ответила. Лена успела обрадоваться и замолчала на середине фразы. Эта пауза длилась секунду. Слишком долгую для живого человека и слишком короткую для надежды.

- Ань, это ты?

Вот так мир делает первый официальный отказ. Не громом. Не трещиной в небе. Голосом администратора, которая вчера видела тебя за стойкой и сегодня вдруг не уверена, кто говорит с ней по телефону. Я спросила, кто ещё это может быть. Лена сказала, что голос какой-то. Связь оборвалась.

Я посмотрела на экран. Сеть была. Телефон снова зазвонил. Номер не определился. Я ответила.

- Не смотрите сейчас в зеркала, - сказал Андрей.

Я резко ударила по тормозам. Сзади взревел клаксон. Машину повело на мокром снегу, правое колесо поймало край обочины. Навстречу шла фура. Я вывернула руль, автомобиль бросило обратно на полосу. Фура прошла настолько близко, что весь салон на секунду наполнился её светом. Я остановилась метров через сто, включила аварийку и несколько секунд просто сидела, вцепившись в руль.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. Звонок не прервался. Я спросила, что он со мной сделал. Андрей сказал, что предупреждал: я пыталась взять то, что нельзя удержать. Удобная формулировка. Достаточно туманная, чтобы звучать как мудрость, и достаточно точная, чтобы не быть ложью. Я спросила, кто он.

Он не ответил. Сказал только, чтобы я уезжала. Не домой. Потому что сейчас я голоднее, чем думаю, и начну брать автоматически.

Я почувствовала раздражение, почти облегчение. Голод я знала. С голодом можно было справиться. По крайней мере, я слишком долго выживала за счёт этой уверенности, чтобы отказаться от неё из-за одного мужчины в сером пальто. Я сказала, что значит, поем.

Андрей ответил:

- Нет.

В его голосе впервые появилась жёсткость. Сегодня нельзя. Потому что я не смогу остановиться. Я хотела засмеяться. И не смогла.

На встречной полосе остановилась машина. Молодой мужчина вышел, перебежал дорогу и подошёл к моему окну. Видимо, видел, как меня занесло. Он постучал по стеклу.

- Девушка, всё нормально?

Я повернула голову. И почувствовала его. Сразу целиком. Страх за меня. Облегчение, что аварии не произошло. Интерес. Потом - первое мужское внимание, лёгкое, почти невинное. Он заметил лицо, волосы, грудь под расстёгнутым пальто. Мужчины часто называли это заботой. Иногда это действительно была забота. Проблема начиналась через секунду, когда спасаемая женщина становилась не человеком в беде, а доказательством, что он способен быть нужным, смелым и немного желанным.

Обычно это была крошка. Сейчас она пахнула пиром.

Я опустила стекло. Мужчина наклонился и спросил, не плохо ли мне. Я открыла рот, чтобы ответить, и увидела, как в его глазах меняется выражение. Он вдруг расправил плечи. Поправил волосы. Улыбнулся. Ещё секунду назад он просто хотел помочь. Теперь хотел понравиться. Маленькое желание уже начало строить вокруг него другую версию самого себя: хороший человек, смелый мужчина, случайный спасатель красивой женщины на зимней дороге. В другой день я бы почти не заметила его.

Сейчас внутри меня что-то рванулось к нему. Без моего решения. Мужчина побледнел. Улыбка исчезла. Он схватился рукой за дверь моей машины. Я закричала и заставила се-

бя отвернуться. Не остановилась. Отвернулась. В тот момент это оказалось единственным движением, которое ещё принадлежало мне.

Связь оборвалась.

Мужчина отступил, тяжело дыша. Он спросил, что это было, но спрашивал уже не меня. Человек, у которого на несколько секунд вынули внутренний стержень, всегда обращается не к собеседнику, а к реальности в целом. Реальность обычно не отвечает.

Я подняла стекло. Телефон всё ещё работал. Андрей слышал всё.

- Теперь понимаете? - спросил он.

Я смотрела прямо перед собой. Мужчина снаружи медленно возвращался к своей машине. Он шёл нормально, но несколько раз останавливался, будто забыл, зачем вышел. Я спросила, почти ли убила его. Андрей сказал, что нет. На уточнение не ответил.

Я посмотрела на свои руки. Левая была моей. Правая - нет. На безымянном пальце незнакомой руки белел след от кольца, которое я никогда не носила. Я закрыла глаза. Когда открыла, рука снова стала прежней.

Я спросила, что со мной происходит.

На этот раз Андрей ответил сразу:

- Вы распадаетесь.

Это слово я поняла слишком хорошо. Я сказала, что такого не бывает. Он сказал, что бывает. Я спросила, откуда он

знает. Он молчал несколько секунд.

- Потому что я уже видел одну такую, как вы.

Я перестала дышать.

- Где?

Ответ пришёл тихо:

- Она тоже сначала решила, что просто проголодалась.

Связь оборвалась. Я набрала его сама. Абонент был недоступен. В машине стало очень тихо.

Я включила внутренний свет и всё-таки посмотрела в зеркало. На этот раз там не было никакой женщины. Несколько секунд зеркало отражало салон, подголовник, заднее стекло, мигающую аварийку и пустое водительское кресло.

Потом в нём появилась я.

Глава третья

Домой я не поехала. Не потому, что послушалась Андрея. Это было бы слишком неприятным объяснением. Просто не хотелось проверять, узнает ли меня консьерж, откроет ли приложение дверь, не посмотрит ли камера в подъезде так же равнодушно, как машина на даче. После разговора с ним я ещё минут пять сидела на обочине. Мимо проезжали машины, каждая ненадолго заливала салон светом, и в эти секунды приходилось удерживать взгляд от зеркала и боковых стёкол. Молодой человек, которого я едва не выпила, давно уехал. Хотелось думать, что с ним всё нормально. Обычно я довольно точно чувствовала, сколько беру. В этот раз не почувствовала ничего, кроме голода.

Телефон снова заработал. Софья ответила после шестого гудка. Мы не общались почти четыре года. Она спросила, кто умер. «Пока никто» оказалось достаточным ответом. У нашего вида хорошее воспитание начиналось там, где у людей заканчивалось любопытство: если одна из нас звонила вечером и говорила, что ей нужно приехать, старшая не спрашивала зачем. Она просто называла дверь открытой.

Софья жила недалеко от Сретенки в квартире, которую купила в начале двухтысячных на имя мужчины, давно умершего от вполне естественной причины. Почему она не переехала, я никогда не понимала. Дом был старый, лифт - новый, соседи менялись с такой скоростью, что никто не замечал женщину, которая за двадцать лет почти не изменилась. Такие дома удобны для бессмертных существ: люди там слишком заняты ремонтом, ипотекой, детьми, собаками и протечками, чтобы всерьёз следить за чужим лицом.

Дверь Софья открыла раньше, чем я успела позвонить. Выглядела лет на сорок. На самом деле была старше меня, насколько вообще имело смысл пользоваться этим словом. Когда мы познакомились, Пётр Первый ещё был жив, хотя уже сильно раздражал всех, кто привык к старым порядкам. Тогда Софья называла себя иначе. Как именно, память не удержала. Или удержала слишком много вариантов сразу, что почти одно и то же.

Она посмотрела на меня и перестала улыбаться.

- Заходи, Анна.

Это было хуже любого вопроса.

В квартире пахло чаем и чем-то горелым. На кухне стояла сковорода, которую Софья выключила, видимо, услышав меня в подъезде. Человеческую еду она любила совершенно искренне и считала одним из немногих достижений вида, которое оправдывает его существование. На столе лежал нож. Софья убрала его в ящик до того, как пальто успело соскользнуть с моих плеч. Движение было почти незаметным. Страшнее стало не из-за ножа, а из-за того, что она уже думала не о том, что со мной случилось, а о том, что я могу сделать.

Она взяла меня за подбородок и повернула лицо к свету. Пришлось велеть ей не трогать меня. Почему - объяснить не получилось бы. После Андрея любое прикосновение перестало быть нейтральным: чужая рука могла оказаться крючком, чужое внимание - пищей, чужой страх - дверью. Софья сразу убрала пальцы. Не обиделась. Не спросила, что за истерика. Только отодвинула стул.

- Садись.

Я села. Рассказала ей всё, кроме нескольких деталей, которые не имели отношения к делу или имели слишком большое. Алексей Игоревич. Исчезнувшие желания клиентов. Андрей. Его рука. Виктор. Дорога. Мужчина у машины. Когда рассказ дошёл до зеркала, Софья перестала есть. До этого она пыталась жевать, и это было почти успокаивающе: пока старшие едят, мир ещё можно считать пригодным для жизни.

ни. Потом вилка легла на край тарелки.

- В зеркале тебя не было?

- Несколько секунд.

Она встала. Не резко. Но в её движении появилась та старшая точность, которая всегда раздражала меня в людях и пугала в наших. Софья не суетилась. Суетятся те, кто ещё надеется, что всё обойдётся. Она пошла в комнату, вернулась с небольшим зеркалом и поставила его передо мной.

Я отвернулась.

- Не надо.

- Именно надо.

В её голосе не было заботы. Забота в серьёзных ситуациях часто мешает. В ней было что-то полезнее: холодное нежелание дать мне соврать себе.

Зеркало пришлось взять. Из него смотрело нормальное лицо. Тёмные волосы. Те же глаза. Ничего не поплыло, не дрогнуло, не исчезло. Можно было бы выдохнуть, если бы зеркалам я верила больше, чем испуганным старшим.

- Видишь? Всё прошло.

- Назови своё первое лицо.

Зеркало опустилось само.

- Первое.

Софья не просила имя. Она спрашивала лицо. И этим сразу портила привычную защиту. Имя можно выбрать, купить, украсть, забыть, сменить в документах, произнести с нужной интонацией, заставить людей повторять. Лицо сложнее. Осо-

бенно первое. В памяти возникла женщина в тяжёлой одежде, туго собранные волосы, холодная комната. Потом другое лицо. Потом ещё одно. Все выглядели убедительно. Ни одно не казалось первым.

- Агата.

- Это имя.

Неприятно стало не потому, что она была права. От того, что была. Софья забрала зеркало и поставила его на стол. Оно легло отражающей стороной вверх, и теперь между нами лежал маленький прямоугольный колодец с моим лицом на дне.

Она спросила, думала ли я когда-нибудь, почему мы не распадается каждое утро. Ответ «потому что не должны» прозвучал жалко ещё до конца фразы. Софья посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который принёс на пожар стакан воды и гордится предусмотрительностью.

Она сказала: мы думаем, что держим форму сами. Это не совсем так.

Дальше Софья говорила мало, но каждое слово цеплялось за то, что уже произошло. Тело запоминает себя. Но не только тело. Люди тоже запоминают тебя. Сосед знает, что ты Анна. Лена знает. Мужчины знают. Камеры, фотографии, документы, привычки, переписки, ключи, пропуска, случайный продавец внизу, который три года видит одно и то же лицо и перестаёт удивляться. Каждый раз, когда мир узнаёт тебя, он не просто подтверждает паспорт. Он подтверждает форму.

Слушать это не хотелось. Слишком многое сразу становилось унижительно зависимым. Зеркало на столе держало моё лицо ровно до тех пор, пока взгляд был направлен в него. Женщинам веками объясняли, что лицо - их капитал, потом удивлялись, что они боятся потерять себя вместе с ним. Для обычных женщин это была социальная клетка. Для меня, как выяснялось, могло оказаться медицинским фактом. Или метафизическим. Разница зависела только от того, сколько крови будет на полу к утру.

- Если подтверждение ослабевает, форма начинает плавать, - сказала Софья.

Она не делала из этого тайны, не украшала словами, не превращала в красивую древнюю мудрость. Большинство религий действительно начинается с того, что кому-то не хватило слов для описания проблемы. Но Софья, в отличие от основателей религий, слишком хорошо знала цену красивым объяснениям. Красивое объяснение обычно появляется там, где кто-то уже не смог помочь.

Пришлось вспомнить Андрея. Человека, рядом с которым желание становилось слабее не потому, что он подавлял его силой. Просто рядом с ним человек вдруг переставал считать своё желание приказом. Софья знала о таких. Не об Андрее, нет. О природе. О следе. О старой опасности, которую наши обычно предпочитали не обсуждать за едой.

Когда-то, до электричества, ей попадался один такой человек. Через неделю после него исчезла одна из наших. Не

умерла. Это было бы проще. Сначала у неё менялось лицо. Потом голос. Потом люди перестали узнавать её на улице. В конце Софья сама смотрела на неё и не могла вспомнить, кого видит. Однажды та просто не пришла. Софья искала. Не нашла.

Я встала.

Андрей сказал, что видел такую, как мы. Софья не удивилась так, как должна была бы. Это тоже было ответом. Она только посмотрела на меня и спросила, предпочитаю ли я продолжать экспериментировать на автомобилистах. Я сказала, что не собиралась брать того мужчину. Софья ответила слишком точно:

- Именно это меня беспокоит.

Старших особенно легко ненавидеть в моменты, когда они правы.

Телефон лежал на столе. Я взяла его скорее для того, чтобы занять руки, чем для проверки. Галерея открылась с фотографии, сделанной неделю назад на каком-то мероприятии агентства. Лена, двое консультантов, я. Лицо нормальное. Следующая. Нормальное. Ещё. Ноябрь. Октябрь. Сентябрь. Пальцы листали быстрее. Софья молчала, и это молчание давило сильнее вопросов.

В августе движение остановилось. На экране была фотография из ресторана. Я сидела за столом с клиенткой и улыбалась. Ресторан помнился. Клиентка тоже. Вечер - нет. Не в обычном смысле, когда событие забылось и начинает воз-

вращаться по деталям. Факты были на месте: кто сидел рядом, что заказывали, зачем встречались. Но внутри воспоминания не было ничего. Будто я прочитала о нём в чужом отчёте.

Следующая фотография. То же. Ещё одна. Июнь. Май.

Телефон помнил меня лучше, чем я сама. Это было омерзительно современно. Раньше прошлое зависело от свидетелей, писем, запахов, плохо сохранившихся портретов и вранья стариков. Теперь оно лежало в стеклянном прямоугольнике: геометки, платежи, такси, сообщения, фотографии, календари. Цифровой след был холоднее памяти и убедительнее совести. Он доказывал, что я была. Но не доказывал, что это была я.

Попытка вспомнить запах ресторана не дала ничего. Разговор - ничего. Хотя бы момент перед фотографией - пусто. Календарь знал встречи. Почта знала письма. Банк знал, где я платила. Такси знало маршруты. Три месяца моей жизни существовали в телефоне гораздо убедительнее, чем в моей голове.

- Май.

Софья подошла. Экран оказался между нами как улика.

- Я не помню май. Знаю, что делала. Но не помню, как это было.

Вот тогда на её лице впервые появился настоящий страх. Не осторожность, не раздражение, не старшая точность. Страх. У Софьи он выглядел особенно неприятно, потому

что не имел привычки жить на её лице и поэтому держался там неуверенно, как чужая вещь.

Она спросила, когда я познакомилась с Андреем. Ответ «вчера» вышел быстро. Почти. Повторить его с той же уверенностью уже не получилось.

Сообщения. Ничего. Почта. Ничего. Календарь. Первое упоминание Андрея Мельникова появилось только на этой неделе. На секунду стало легче. Софья не смотрела на телефон. Она спросила не про телефон. Она спросила, уверена ли я, что раньше его не видела.

Глаза пришлось закрыть. Май возник не картинкой, а ощущением: тёплый вечер, улица, человек напротив. Лица не было. Не темнота, не пятно, не забытая черта. Отсутствие лица, как вырезанное место на фотографии.

- Чёрт.

Софья сказала, чтобы я не кормилась. Не пыталась быстро восстановиться. Если форма повреждена, я не пойму, сколько беру. Я сказала, что контролирую себя. Она напомнила мужчину на дороге. Пришлось сказать, что я остановилась.

Софья покачала головой.

- Ты отвернулась, Анна. Это не одно и то же.

Иногда точность звучит как оскорбление. Особенно когда она спасает тебе жизнь.

Телефон завибрировал. Незвестный номер. Мы обе посмотрели на экран. Я ответила. Андрей не поздоровался и не стал спрашивать, как я. Он сказал, чтобы я не кормилась. Го-

лос был ровный, но в нём появилась неприятная срочность.

У меня, по его словам, оставалось несколько часов до следующего провала.

Он спросил, у Софьи ли я. На вопрос откуда он знает, Андрей ответил, что не знает. Просто обычно идут к старшим. Софья услышала его голос и побледнела раньше, чем я успела повторить имя. Он её не знал. Она знала таких, как он. Между этими двумя фактами было слишком много пустого места.

Я сказала, чтобы он приехал. Софья резко подняла голову. Андрей отказался. Не потому, что боялся меня. Он сказал, что боится того, что я сделаю, когда увижу его. Я пообещала держать себя в руках. Он ответил:

- В этом и проблема. Сейчас у вас слишком много рук. Связь оборвалась.

Я несколько секунд смотрела на телефон. Ненависть поднялась горячо и очень чисто. Такая редкая роскошь: чувство, которое я не взяла ни у кого, не отразила, не слизала с чужого желания. Моё. Софья сказала, что это хорошо. Собственное желание. Пока я его отличаю.

Если не понимаешь, что твоё, а что чужое, держись хотя бы за то, что узнаёшь как своё. Для начала сойдёт даже ненависть.

Телефон снова завибрировал. Сообщение. Адрес. Без имени. Тверская, недалеко от Пушкинской. Под адресом одна строчка: «Не приходите голодной».

Я показала Софье. Она сказала, что я не пойду. Я сказала, что пойду. В таких спорах смысл обычно заканчивается до того, как начинается разговор. Софья знала меня слишком давно, чтобы верить запретам. Я знала себя слишком плохо, чтобы подчиниться.

Она перегородила дверь и напомнила, что я едва доехала до неё. Что чуть не съела человека на дороге. Я сказала, что больше не буду останавливаться. Софья назвала это очень взрослым решением.

Я взялась за ручку. Она не отступила.

- Анна, послушай меня. Желание не делает тебя собой.

Ответ вышел слишком быстрым:

- Без него меня вообще нет.

Софья спросила, уверена ли я. Сказать оказалось нечего. И это было хуже любого поражения. Пятьсот лет питаться людьми, которые становились кем-то рядом со мной, а потом однажды услышать от старшей: может быть, ты просто слишком долго жила внутри чужого подтверждения.

Она предложила хотя бы допустить, что голод врёт.

Я сказала, что голод не умеет врать.

Софья ответила:

- Всё, что хочет выжить, умеет.

Я вышла.

В лифте зеркал не было. На улице я вызвала такси. Водитель оказался пожилым мужчиной и почти не смотрел на меня. Это было удобно. Первые десять минут всё шло нор-

мально. Потом он спросил, не дует ли мне. Посмотрел в зеркало всего на секунду. Я почувствовала маленькое человеческое желание быть приятным. Не соблазнить, не получить, не победить. Просто оказаться человеком, который сделал правильно. В другой день это было бы меньше крошки. Сейчас голод проснулся.

Я отвернулась к окну. Москва текла мимо чёрным стеклом, светом витрин, фарами, мокрыми вывесками, людьми под зонтами. Миллионы желаний находились рядом. Кто-то хотел домой. Кто-то хотел денег. Кто-то хотел женщину, которую никогда не получит. Кто-то хотел, чтобы человек рядом замолчал. Кто-то хотел похудеть, бросить курить, стать известным, исчезнуть, начать сначала. Город не жил. Город хотел.

Впервые Москва пахла для меня едой. Вся.

Это было страшнее зеркала.

Когда машина остановилась на светофоре, водитель снова посмотрел назад. Теперь он хотел не просто довезти пассажирку. Хотел оказаться человеком, который помог. Хорошим человеком. Нужным. Еда.

Я сжала зубы и велела остановить. Он сказал, что здесь нельзя. Я повторила, уже не голосом клиентки, а тем голосом, которым люди обычно не спорят. Он свернул к тротуару. Я выскочила ещё до того, как машина полностью остановилась, бросила деньги через приложение и пошла пешком.

До адреса оставалось меньше километра. Холод помогал.

Я шла быстро, стараясь ни на кого не смотреть. У входа в метро девушка разговаривала по телефону и плакала. Возле магазина мужчина курил и проверял сообщения. Парень лет двадцати снимал себя на фронтальную камеру, несколько раз повторяя одну и ту же фразу, пока не стал похож на человека, которого он хотел показать миру, а не на того, кто стоял на тротуаре. Всё это раньше было фоном. Теперь каждый человек выглядел открытой дверью.

Женщина с пакетом хотела, чтобы дома наконец стало тихо. Курьер хотел не опоздать. Мужчина в дорогом пальто хотел, чтобы его заметили, но не поймали на этом. Девочка у витрины хотела быть старше. Её мать - моложе. Я шла между ними и понимала, что город может накормить меня до смерти. Или заставить меня убить кого-нибудь раньше, чем я успею решить, что ещё не чудовище.

До нужного дома добралась почти бегом. Подъезд оказался обычным. Код Андрей прислал отдельным сообщением. Лифт поднял меня на шестой этаж. Дверь квартиры была открыта.

Я вошла.

Почти пустая квартира. Стол. Два стула. Лампа. Никаких фотографий, книг, одежды, случайной кружки, старого билета, магнита на холодильнике, аптечки с чужой зубной щёткой. Место, в котором человек не жил, а временно находился. Вещи вообще многое говорят о страхе. Люди, боящиеся одиночества, заставляют полки предметами. Люди, боящие-

ся памяти, оставляют поверхности пустыми. У Андрея квартира выглядела так, будто он заранее не хотел давать миру лишних поводов его подтверждать.

На столе стоял стакан воды. И телефон. Не мой.

Экран загорелся. Видео уже было открыто. Я нажала воспроизведение.

На экране появилась я.

Май. Я сразу узнала пальто, которое тогда носила. Камера снимала издалека, через стекло кафе. Я сидела напротив Андрея. Он выглядел точно так же, как сейчас. Мы разговаривали. Я наклонилась к нему. Он сказал что-то. Я засмеялась. Потом положила руку ему на ладонь.

Запись длилась сорок три секунды.

Я посмотрела её ещё раз.

Ничего.

Ни одного воспоминания.

За спиной закрылась дверь. Андрей стоял в прихожей. Не оправдывался. Не спешил. Это было почти неприлично. Человек, который входит после того, как ты увидела доказательство его лжи, обязан хотя бы немного суетиться. Андрей, как всегда, не уважал обычные правила человеческого стыда.

Я сказала, что он солгал.

Он спросил, о чём. Будто мы выбирали из списка.

Мы встречались. Да. В мае. Почему я не помню? Потому что я попросила забыть.

Я засмеялась. Слишком громко. Смех получился не весё-

лый, а проверочный, как удар по стене: есть ли там пустота.

Я не просила его стереть память. Он сказал, что и не стирал. Я попросила помочь отпустить кое-что.

Он подошёл ближе, но остановился на безопасном расстоянии. Безопасном для кого - вопрос оставался открытым.

- Что? - спросила я.

- Себя.

В комнате стало тихо.

Я сказала, что это смешно. Он не шутил. Это было смешно меньше всего.

Что я хотела отпустить? Андрей посмотрел на меня так, будто ответ был не словом, а дверью, которую уже однажды открывали и потом очень долго закрывали обратно.

- Анну.

Голод пришёл сразу. Сильнее, чем когда-либо. Не как пустота. Как приказ. Андрей тоже почувствовал это. Его тело напряглось раньше лица. Он сказал, чтобы я не подходила. Я шагнула к нему.

Он сказал, что второй раз может не успеть.

Второй раз.

Я оказалась рядом раньше, чем успела решить, что двигаюсь. Он хотел меня. Так же, как раньше. Чисто. Без зеркала. Без новой версии себя. Невыносимо. Расстояние между нами стало почти телесной ошибкой мира. Я чувствовала тепло его кожи ещё до прикосновения, дыхание под рубашкой, кровь, влечение, напряжение, ту самую возможность, на ко-

торой обычно строились мужчины рядом со мной. Но Андрей не строился. Не делал из меня медаль, грех, победу, доказательство, падение или спасение. Он хотел. И не присваивал своё хотение как судьбу.

Это было почти оскорбительно.

Я коснулась его.

Голод сорвался. Не как на дороге. Сильнее. Комната исчезла. Я почувствовала Андрея целиком: тепло, дыхание, кровь, желание, жизнь. И одновременно пустоту вокруг этого желания, будто оно ни к чему не было привязано. Я попыталась взять. Нечего. Тогда голод пошёл глубже.

Впервые я почувствовала не то, что Андрей хотел.

А то, от чего он когда-то отказался.

Людей. Города. Имена. Женщину, лицо которой я не успела увидеть. Смерти. Очень много смертей.

Меня отбросило назад не телом - смыслом.

- Что вы такое?

Он схватил меня за запястье. И мир погас.

Не темнота.

Отсутствие необходимости продолжать.

На одну секунду я перестала хотеть есть. Перестала хотеть жить. Перестала хотеть оставаться Анной. Это было настолько спокойно, что я почти согласилась. Вот почему всякая философия отпускания опасна: если произнести её достаточно красиво, насилие начинает выглядеть милосердием.

Потом пришёл страх.

Страх вернул меня. Рука вырвалась сама. Андрей тяжело дышал. На его лице впервые не было спокойствия.

Он сказал, чтобы я уходила.

Я спросила, что увидела. Он повторил, чтобы я уходила.

- Кто была та женщина?

Он поднял глаза.

- Вы.

Внутри всё остановилось.

Нет.

Тогда, сказал он, я называла себя иначе.

Память не дала ничего. Ни лица, ни имени, ни даже удобной лжи, за которую можно было бы ухватиться.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри медленно просыпается что-то сильнее голода. Не страх. Не ненависть. Желание знать. Настоящее. Моё. Не отражённое от мужчины, не украденное у клиента, не выращенное чужим взглядом. Моё.

И впервые за несколько сотен лет оно оказалось таким сильным, что рядом с ним чужое желание перестало иметь вкус.

Глава четвёртая

Существует много способов сказать человеку неправду, не соврав ни одним словом. Андрей, кажется, знал большинство.

Он стоял в прихожей почти пустой квартиры, и свет из комнаты резал его лицо на две части. Обычный мужчина в

сером пальто. Нормальный голос. Нормальные руки. Почти нормальное желание, от которого моему голоду не доставалось ничего. Всё в нём выглядело человеческим, кроме главного: Андрей помнил меня лучше, чем я сама.

- Я называла себя Анной восемнадцать лет.

Он кивнул.

- Знаю.

Слово прозвучало слишком спокойно. Захотелось ударить его не за ложь. За это «знаю». За мужскую привычку произносить чужую биографию тоном человека, который давно дочитал инструкцию и теперь ждёт, когда владелица наконец перестанет тыкать пальцем не в те кнопки.

Когда я спросила, что значит «называли себя иначе», Андрей отошёл к окну, но не подошёл к стеклу. После того, что случилось между нами, расстояние явно стало для него такой же практической величиной, как температура или давление. Он смотрел не на улицу, а куда-то в чёрный прямоугольник отражения. В документах, сказал он, я была Анной. На работе тоже. Но когда пришла к нему в мае, попросила не называть меня этим именем.

- И как мне следовало себя называть?

Он помолчал.

- Лидией.

Имя вошло под кожу без стука. Лидией я действительно была. До Анны. Достаточно долго, чтобы оно осталось внутри тем старым шрамом, который уже не болит, но па-

лец почему-то находит его сам. Квартира на Кутузовском. Мужчина по имени Аркадий, давно умерший, хотя при жизни он сам себе казался слишком основательным для смерти. Первые мобильные телефоны, валютные обменники, пустые витрины начала девяностых, чужие машины, новые деньги, старая нищета, женщины, которые учились быть дорогими быстрее, чем мужчины учились не выглядеть растерянными рядом с дорогими женщинами. Лидия умела жить в этом времени. Она вообще многое умела. Поэтому однажды мне стало тесно внутри неё, и появилась Анна.

Возвращаться обратно я никогда не собиралась.

Почему Лидия, Андрей не знал. Майская я не объяснила. Только сказала, что Анна больше не выдерживает. Мне захотелось рассмеяться, но получилось плохо. Слишком театральная фраза. Слишком похожая на то, что человек говорит в мае, когда ещё уверен, что сентябрьская версия будет благодарна за загадочность. Прошлые вообще любит оставлять записки без адреса, а потом удивляться, что будущие жильцы квартиры называют это мусором.

- Очень драматично.

- Тогда мне тоже так показалось.

Он сказал это спокойно, но теперь я уже видела, что спокойствие даётся ему усилием. Раньше принимала его за отсутствие эмоций. Ошибалась. Эмоции у Андрея были. Просто он не позволял им автоматически становиться поступками. Наверное, это и раздражало больше всего. Мужчины

обычно делают из желания событие, из страха - приказ, из вины - заботу. Андрей умел держать чувство внутри, не превращая его в закон для окружающих. Кроме тех случаев, когда речь почему-то шла о моей памяти.

Я потребовала показать остальные майские видео. Андрей отказал. Не из грубости. Хуже - из уверенности, что имеет право отказать. Я уже видела их в мае, сказал он, а теперь не помню, и поэтому он не даст смотреть снова.

Телефон лежал на столе. Видео с кафе всё ещё было открыто. За ним обнаружилось ещё несколько файлов с датами. Все майские. Палец уже нажимал на следующий, когда Андрей забрал телефон. Не резко. Просто забрал, как забирают нож у человека, который пока не решил, кого резать - другого или себя.

- Это моя жизнь.

Он положил телефон экраном вниз.

- Была вашей.

Несколько секунд я смотрела на чёрный прямоугольник. Телефон выглядел безобидно. Тонкая вещь на столе. Стекло, металл, чужой пароль. А внутри - куски моей жизни, к которым меня не пускали двое мужчин и одна прежняя версия меня самой. Очень современно. Раньше женщине могли не отдать письма, запереть дневник, спрятать свидетельство о рождении, не сказать диагноз, убрать паспорт в верхний ящик. Теперь всё стало аккуратнее: данные защищены, доступ ограничен, пользователь временно не авторизован.

Андрей спросил, уверена ли я, что всё случившееся с моим телом автоматически принадлежит той, которой я являюсь сейчас.

Вот он, любимый фокус умных людей: не отвечать на вопрос, а расширить его до размеров пропасти. Я не спрашивала философию. Я спрашивала, что со мной произошло. Но Андрей был прав в одном, и это бесило сильнее всего: это действительно был один и тот же вопрос.

Если майская Анна касалась Кирилла, лгала, просила, боялась, хотела исчезнуть, кто теперь имел право на последствия? Я - потому что тело осталось моим? Она - потому что решение приняла она? Или никакой Анны вообще не было, только очередная временная администрация в старом здании, где каждый новый управляющий обнаруживает долги предыдущего и делает вид, что не подписывал договоры?

- Не начинайте.

- Вы спросили.

- Я не спрашивала философию. Я спрашиваю, что со мной произошло.

- Это один и тот же вопрос.

- Только для человека, которому не хочется отвечать.

Андрей устало провёл рукой по лицу. Впервые за вечер он выглядел не загадочным, не опасным, не непригодным в пищу, а просто уставшим. Почти человеком. Это тоже раздражало. С людьми проще, когда они остаются функциями.

Кирилл Савин, сказал он, появился в апреле. Имя ничего

не сказало. От этого стало страшно. Апрель я помнила. Во всяком случае, считала, что помню. Работа, агентство, две поездки, несколько клиентов, один мужчина, которого пришлось передать другой консультантке, потому что он влюбился не в меня, а в идею, что ещё способен влюбиться. Никакого Кирилла Савина там не было.

Савин руководил компанией, которая занималась моделированием человеческого поведения. Андрей объяснил это сухо: модели, прогнозирующие действия человека раньше, чем он сам считает решение принятым. По сути - рынок чужих импульсов, упакованный в презентацию для инвесторов. Все рекламные компании рассказывают такое тем, кто готов платить за ощущение будущего. Разница, по словам Андрея, была в том, что эти действительно научились.

Конечно. Москва любит людей, которые заранее знают, чего ты захочешь. Девелоперы знают, где тебе лучше жить. Банки знают, сколько тебе можно доверять. Маркетологи знают, какую версию себя ты купишь в следующем сезоне. Государство знает, что тебе полезно. Мужчина знает, когда тебе можно узнать правду. На этом фоне компания Кирилла Савина выглядела не исключением, а естественным развитием городской среды.

Я спросила, спала ли с ним. Пауза вышла чуть длиннее необходимого.

- Нет.

Это почему-то развеселило. Не потому, что ответ имел

значение. А потому, что желание Андрея дрогнуло. Совсем немного. Другой мужчина даже не заметил бы у себя этого движения. Андрей заметил и попытался убрать. Поздно.

- Ревнуете?

- Нет.

- Врёте.

- Это не ревность.

- А что?

- Сейчас неважно.

Маленькая победа оказалась неожиданно вкусной. Почти. С Андреем всё оставалось испорченным: желание было, но пищей не становилось. Зато собственное удовольствие от укола принадлежало мне. После последних суток это уже казалось роскошью.

Андрей перевернул телефон, открыл файл и поставил передо мной.

- Смотрите.

Запись была сделана в помещении, похожем на офис после окончания рабочего дня. Большие окна, тёмные столы, погашенные мониторы. Камера висела высоко, наверное под потолком. На экране появилась я. Тёмное платье, которое всё ещё висело у меня дома. Рядом с окном стоял мужчина лет сорока: худой, коротко стриженный, без пиджака, с закатанными рукавами рубашки. Кирилл Савин.

Звука сначала не было. Моя экранная версия что-то говорила ему. Кирилл отвечал. Потом подошёл ближе.

Я знала этот момент не памятью. Телом.

Даже через экран было видно, как внутри него происходит знакомое изменение. Мужчина перестаёт просто разговаривать с женщиной и начинает существовать рядом с возможностью получить её. Плечи становятся другими. Взгляд собирается. Появляется вторая версия: увереннее, значительнее, моложе, выбранная женщиной, которую он хочет. Хорошая пища. Очень хорошая.

На записи я приблизилась к нему.

- Достаточно, - сказал Андрей и потянулся к телефону.

Рука сама ударила его по запястью. Не сильно, но достаточно, чтобы остановить. Он не стал спорить. Кирилл на экране что-то произнёс. Моя ладонь легла ему на лицо, потом скользнула к шее. Через несколько секунд он упал. Не театрально, не красиво, без киношного изгиба. Просто ноги перестали его держать, плечо ударилось о край стола, стул отъехал назад на колёсиках и медленно развернулся, будто сцена продолжалась уже без человека.

Экранная Анна опустила рядом. Кирилл пытался подняться. Пальцы скользнули по полу, нашли ножку стола, сорвались. Он открыл рот, но звука в записи по-прежнему не было, и от этого стало хуже: немой страх всегда выглядит убедительнее озвученного. Она продолжала держать ладонь у его шеи. Слишком спокойно. Вот что было страшнее всего. Не бешенство, не припадок, не голодное безумие. Сосредоточенность. Так человек смотрит на прибор, показания ко-

того наконец начали меняться.

- Выключите, - сказал Андрей.

- Нет.

Кирилл перестал двигаться.

Моя экранная версия сидела рядом ещё несколько секунд. Долго. Непозволительно долго. Потом произошло то, чего я не ожидала. Лицо на записи изменилось. Сначала едва заметно. Глаза стали другими. Затем линия скул. Волосы казались то короче, то длиннее, хотя качество изображения оставалось нормальным. Экранная женщина повернулась к камере, и на экране уже была не Анна.

Лидия.

Я узнала её сразу. Не буквальное лицо, детали за годы перемешались, память всегда врёт в мелочах, когда пытается удержать главное. Но выражение. Способ держать голову. Движение губ. Старая я смотрела из тела новой.

Запись оборвалась.

В комнате стало слишком тихо. На столе стоял стакан воды, телефон лежал рядом, Андрей молчал. Очень обычные предметы. Очень обычная комната. Только что на экране я почти убила человека и не помнила об этом ни секунды.

- Он умер?

- Нет.

- Сколько я взяла?

- Почти всё, что могли.

- Почему остановилась?

Андрей посмотрел на меня.

- Вы не остановились.

Софья сказала то же самое про мужчину у машины. Ты отвернулась, Анна. Это не одно и то же.

Неприятная точность начинала повторяться из разных ртов. Мир вообще любит добивать человека хором, когда тот наконец перестаёт верить одному свидетелю.

Живым Кирилл остался потому, что приехал Андрей. Откуда он узнал? Я сама позвонила ему. Как могла позвонить, если уже не могла остановиться, Андрей не знал. Очень удобно. Впрочем, по его словам, за удобными ответами стоило обращаться к Савину. Он занимался их производством.

В дверь позвонили.

Мы оба замерли. Не потому, что звонок был громким. Просто Андрей сразу изменился. До этого вечера я ни разу не видела, чтобы он испугался. Теперь увидела. Он подошёл к двери, посмотрел на экран домофона и ничего не сказал.

- Кто?

- Оставайтесь здесь.

Плохая формулировка. Даже если бы я умирала от послушания, она бы меня вылечила.

Второй звонок прозвучал короче. Андрей не открыл. Из-за двери донёсся мужской голос:

- Мельников.

Голос я не узнавала. Андрей смотрел на дверь так, будто за ней стоял не человек, а прошлое, которое наконец научилось

пользоваться домофоном.

- Я знаю, что она там.

Кирилл.

Живой человек, которого я несколько месяцев назад почти убила и полностью забыла.

Дверь открылась после того, как Кирилл сказал, что ему нужен не Андрей, а я, и что решать должна сама. Эта фраза всегда звучит благородно, пока не вспомнишь, как часто люди используют чужое право выбора, чтобы переложить на жертву ответственность за последствия. Пусть сама решит. Пусть сама придёт. Пусть сама согласится. Пусть потом сама разбирается с тем, в какую ловушку вошла на собственных ногах.

Кирилл Савин выглядел старше, чем на видео. Не на несколько месяцев - на несколько лет. Лицо похудело, под глазами лежали тени, на виске белел тонкий шрам, которого в записи не было. Он посмотрел на меня без улыбки. Я приготовилась почувствовать желание.

Почти ничего.

Где-то глубоко оно существовало. Память тела, не больше. Поверх лежало другое. Страх. Кирилл боялся меня. И всё равно пришёл. Это было убедительнее любой смелости. Смелые люди часто плохо представляют опасность. Испуганный человек, который пришёл, обычно представляет её отлично.

- Здравствуй, Анна.

Я не ответила. Он перевёл взгляд на Андрея.

- Значит, опять.

Андрей велел ему уйти. Кирилл сказал, что я должна знать. Андрей ответил, что в прошлый раз я чуть не погибла после того, как решила, что должна. Кирилл не отступил:

- В прошлый раз она хотя бы сама решала.

Андрей сделал шаг вперёд.

- Кирилл.

- Не трогай меня.

В этих трёх словах было столько настоящего страха, что Андрей остановился. Кирилл достал из кармана маленький металлический накопитель и протянул мне.

- Не бери, - сказал Андрей.

Я взяла.

Флешка оказалась тёплой от руки. Маленький кусок металла. В таких вещах теперь хранились чужие смерти, банковские пароли, любовные переписки, компромат, детские фотографии, последние документы, вся человеческая попытка доказать: вот, это было, вот, я существовал, вот, не верьте памяти, память слабая, а файл лежит.

Три дня. Мои. С четырнадцатого по семнадцатое мая, почти непрерывно. Кирилл сказал, что я сама согласилась на запись. Зачем - «вот это как раз стоит увидеть». Андрей попытался забрать флешку. Рука ушла назад быстрее мысли.

- Не смейте.

Он посмотрел на меня. В его лице не было злости. Это бы-

ло хуже. Злость хотя бы оставляет собеседнику равный статус. Он смотрел так, будто видел не мой выбор, а будущую травму.

- Там не память.

- В каком смысле?

- Запись не вернёт вам память.

Кирилл впервые посмотрел на него почти с ненавистью.

- Перестань решать за неё.

- Ты уже однажды дал ей посмотреть.

- А ты уже однажды помог ей забыть.

Вот так. Коротко, без поэзии, без красивых метафор. Один сохранил. Другой помог потерять. Два мужчины стояли в дверях и спорили о моей жизни так, будто обсуждали повреждённый файл, ответственность за который у каждого частичная. Российская сцена до боли: информация есть у всех, кроме той, кого она касается; каждый мужчина уверен, что скрывал из лучших побуждений; женщина посреди коридора должна ещё поблагодарить за заботу, если выживет.

- Хватит.

Они замолчали. Я спросила, кто из них сейчас расскажет, что произошло с четырнадцатого по семнадцатое мая.

Никто.

Это было почти смешно. Один не совсем человек, второй строил математические модели человеческой воли, и оба внезапно обнаружили удивительное единодушие в вопросе моего права знать собственную жизнь.

Кирилл оставил визитку. Имя, телефон, адрес на Дербеневской набережной. Завтра. В десять утра. На флешке, по его словам, была запись, но не объяснение. Сейчас он мог бы объяснить, только я не поверила бы. Почему? Потому что Андрей уже однажды сделал так, что я не поверила.

В комнате стало холоднее. Или мне показалось.

- Приходи одна, - добавил Кирилл.

- Она не придёт, - сказал Андрей.

Я посмотрела на него.

- Обязательно приду.

Кирилл кивнул. В его лице мелькнуло что-то странное. Не удовлетворение. Скорее облегчение человека, который наконец передал слишком тяжёлый предмет другому. Он пошёл к лестнице.

- Кирилл.

Он остановился.

- Почему ты сохранил эти записи?

Ответил не сразу.

- Потому что ты попросила.

Андрей резко повернулся к нему, но Кирилл уже спускался. Я закрыла дверь. Несколько секунд мы стояли молча. Потом флешка поднялась между нами, как маленькое вещественное доказательство против всех версий меня сразу.

- Объясняйте.

- Выбросьте её.

- Неудачное начало.

Андрей сказал, что Кирилл не соврал. Я действительно просила сохранить записи. И да, я действительно просила Андрея помочь мне забыть. Одно не отменяло другого. Очень удобно устроилась моя предыдущая версия: одного просит сохранить, второго - уничтожить.

- Может, поэтому она выжила, - сказал Андрей.

Я подошла ближе. Голод шевельнулся, но не поднялся. Вместо него внутри становилось горячо от злости. Хорошее чувство. Моё. Не чужое.

- Что вы сделали с моей памятью?

- Ничего.

- Андрей.

- Я не умею стирать память.

- Тогда куда делись три месяца?

- Вы их отпустили.

- Не играйте словами.

- Я не играю.

В нём снова появилось то спокойствие, которое хотелось разбить чем-нибудь тяжёлым. Желательно предметом с понятной юридической судьбой. Лампа подходила плохо: дорогая, дизайнерская, наверняка без чека.

Память, сказал Андрей, не шкаф. Нельзя открыть голову и вынуть оттуда май. Воспоминание существует потому, что человек продолжает связывать произошедшее с собой: это случилось со мной, это сделала я, это почувствовала я. Майская Анна попросила ослабить эту связь.

Его слова ложились слишком ровно. Почти убедительно. И от этого хотелось сопротивляться сильнее. Мужчины вообще любят объяснять насилие состоянием женщины в момент согласия: ты же тогда хотела, ты же сама пришла, ты же сама попросила. Удобная магия. Произнеси «сама» достаточно раз, и ответственность начинает выглядеть как бытовая доставка: заказ оформлен, услуга оказана, претензии принимаются только при наличии чека.

Андрей утверждал, что предупредил о последствиях. Прекрасно. Жаль, я не помнила. Он выдержал удар и ответил, что когда соглашалась, помнила. Значит, Анна в мае решила, что Анне в сентябре лучше ничего не знать. Не совсем, сказал Андрей. В мае я не знала, будет ли Анна в сентябре.

Это прозвучало просто. И поэтому страшно. Голод всё ещё жил внутри, но стал тише. Страх иногда действует лучше еды.

После Кирилла я начала меняться. Сильнее, чем сейчас. Иногда несколько раз за минуту. Почему - Андрей не знал. Кирилл, вероятно, думал, что знает. Сам Андрей думал, что Кирилл ошибается. Уже прогресс.

Флешка медленно перекачивалась между пальцами. Маленькая металлическая личинка будущего кошмара.

Андрей видел часть записей и теперь просил не открывать их сегодня. Не из-за тайны. Из-за памяти. Если я увижу себя на экране и узнаю комнату, голос, одежду, привычки,

мозг начнёт достраивать недостающее. Через неделю я смогу быть уверена, что помню вещи, которые на самом деле только видела на записи. Люди постоянно смотрят свои старые видео, но люди обычно помнят, что существовали до включения камеры и после неё.

На это сразу не нашлось ответа.

Старые фотографии всегда казались людям доказательством прошлого. На самом деле они часто работают как воры. Сначала помогают вспомнить. Потом подменяют. Через несколько лет человек уже помнит не день рождения, а снимок с дня рождения: кто стоял слева, какой был торт, как падал свет. Всё остальное исчезает. Люди называют это памятью, потому что им повезло умирать раньше, чем подмена становится слишком очевидной.

У меня такой роскоши не было.

- Значит, не смотреть?

- Сегодня - нет.

- А завтра Кирилл покажет мне то же самое и объяснит в удобной ему версии.

- Да.

- И это вас устраивает?

- Нет.

- Тогда пойдём вместе.

- Он потребовал прийти одной.

- Я слышала.

- И вы собираетесь его послушать?

- Возможно.

Андрей коротко усмехнулся.

- Вот этого в вас я не скучал.

Фраза прозвучала раньше, чем он успел её остановить.

Я замерла.

- Не скучали?

Он ничего не сказал.

- Мы были знакомы насколько хорошо?

- Достаточно.

- Насколько?

- Не сейчас.

- Мы спали?

Молчание. На этот раз дольше. Желание Андрея изменилось. Не усилилось. Стало болезненным. Ответ пришёл раньше слов.

- Нет, - сказал он.

И тут я впервые поняла, что для него «нет» не всегда означало отсутствие желания. Иногда оно означало отказ. Почти профессионально интересно. Почти лично обидно.

- Хотели?

- Анна.

- Значит, хотели.

- Вы сейчас опять пытаетесь питаться.

Я прислушалась к себе. Он был прав. Совсем немного, почти рефлекторно, что-то внутри уже потянулось к тому, что происходило в нём. Не к пище даже. К привычной власти.

К старому доказательству: если мужчина хочет, значит, мир всё ещё работает.

Тяга остановилась.

Сама.

Андрей заметил. Что-то мелькнуло в его лице.

- Видите?

- Что?

- Можете.

- Что именно?

- Не брать.

Мне не понравилось, с какой лёгкостью эти два слова попали внутрь. Будто он назвал не действие, а дверь.

- Не превращайте это в духовное достижение.

- Не собирался.

- Хорошо.

- Это просто выбор.

- Ещё хуже.

Выбор всегда хуже природы. Природа даёт алиби. Голод велел. Тело потребовало. Инстинкт сработал. Очень удобно. Люди обожают природу именно за это: на неё можно списать всё, что не хочется признавать решением. Стоит назвать поступок выбором - и сразу появляется субъект. А субъекту уже можно предъявить счёт.

Я встала. Домой, решила я. Андрей напомнил, что после контакта с ним у меня уже был приступ. Переживу. Другой человек, сказал он, может не пережить. Вот это остановило.

На секунду перед глазами возник молодой мужчина у машины, его внезапно побледневшее лицо, рука, которой он держался за дверь.

Андрей предложил остаться до утра.

Почти пустая квартира. Один диван. Один мужчина, которого нельзя есть. Одна флешка с тремя исчезнувшими днями моей жизни. Отличная компания для ночёвки.

- Очень хитро.

- В каком смысле?

- Пригласить суккуба переночевать и при этом оказаться единственным мужчиной в Москве, которого она не может использовать.

- Вы можете уйти.

- Только что было нельзя.

- Я сказал, что это опасно. Решаете вы.

Неожиданно пришла усталость. Не человеческая - та проходит после сна, еды, душа, нормального анализа крови. Эта находилась глубже, в самой усилении непрерывно быть кем-то определённым. Сутки назад я была Анной, консультантом агентства, женщиной, которая питается мужским желанием и платит налоги с зарплаты, как всякая приличная нечисть в современной России. Теперь я была Анной, Лидией, майским провалом, почти убийцей Кирилла, последним вопросом Андрея и будущей идиоткой, которая завтра, скорее всего, всё равно пойдёт на Дербеневскую.

Пальто легло на спинку стула.

- Диван мой.

- Разумеется.

Андрей ушёл на кухню. Я осталась одна. Флешка лежала в ладони. Три дня. Семьдесят два часа человека, которого я считала собой и совершенно не помнила.

В человеческой жизни три дня почти ничего не значат. Люди теряют их в отпусках, больницах, запоях, командировках, сериалах. Но человек живёт семьдесят или восемьдесят лет и может позволить себе забыть несколько четвергов. Когда живёшь несколько столетий, происходит обратное. Времени так много, что память перестаёт быть складом прошлого и становится редактором. Она оставляет несколько лиц, запахов, смертей, постелей, улиц. Остальное выбрасывает без разрешения. В конце концов уже не знаешь, действительно ли прожила жизнь или просто много раз рассказывала себе её сокращённую версию.

Может быть, человек и есть то, что его память решила не удалять.

Тогда у меня была проблема.

Моя память что-то удалила намеренно.

Ноутбук лежал в сумке. Поставить его на стол оказалось слишком легко. Открыть - ещё легче. Флешка подошла к разъёму без переходника. Удобство вообще часто предшествует катастрофе. Человечество создало множество способов уничтожить себя, но самые успешные обязательно помещались в карман, подключались без инструкции и имели по-

нятный интерфейс.

Металл замер у порта.

Из кухни донёсся голос Андрея:

- Не надо.

Рука остановилась.

- Вы меня видите?

- Нет.

- Тогда откуда знаете?

Пауза была короткой.

- Потому что я вас помню.

Это подействовало сильнее запрета.

В мире, где форма держалась на подтверждении, фраза прозвучала почти нежно. И почти неприлично. Тот, кто помнит тебя лучше, чем ты сама, может спасти. Может удержать. Может стать последней ниткой, когда всё остальное расходится. А может получить власть, для которой даже любовь - слишком мягкое название.

Флешка вышла из разъёма.

Не потому, что он попросил. Во всяком случае, так я сказала себе.

Когда я легла на диван, накопитель остался в руке. Из кухни доносился шум воды. Андрей не входил. Не проверял. Не произносил ни одной из тех фраз, которыми люди обычно портят даже правильный поступок.

Перед сном пришла странная мысль. Кирилл сохранил мои три дня, потому что я попросила. Андрей помог мне их

потерять тоже потому, что я попросила. Два человека выполнили две противоположные просьбы одной женщины.

Оставалось выяснить, какая из них была мной.

И зачем одной понадобилось спасти меня от того, что другая так боялась забыть.

Глава пятая

Я проснулась от собственного голоса.

Сначала решила, что говорю во сне. Потом поняла, что голос идёт с кухни. Или из комнаты. Или откуда-то между ними, потому что в чужой квартире звук первые секунды не принадлежит пространству. Я лежала на диване Андрея в одежде, накрывшись его пальто вместо одеяла. За окном уже светало. Голова была ясной, голод - терпимым, лицо ощущалось своим, насколько вообще можно доверять такому ощущению после вечера, когда зеркало дважды пыталось меня потерять.

С кухни снова донеслось:

- Ещё раз.

Мой голос. Не похожий. Не записанный «в целом». Мой. С той неприятной точностью, с которой человек иногда слышит себя со стороны и впервые понимает, почему окружающие не всегда его любят.

Я села.

Ноутбук стоял на столе открытым. Флешка Кирилла была вставлена. На экране шло видео. Майская я сидела в светлой комнате перед большим экраном. За стеклянной перего-

родкой виднелись люди. Среди них Кирилл. На столе передо мной лежали датчики, хотя ко мне ничего не было подключено. Из динамиков снова прозвучал мужской голос:

- Ещё раз.

Экранная я раздражённо посмотрела в сторону стекла.

- Я слышала.

Я подошла ближе и нажала паузу.

Несколько секунд смотрела на собственное лицо. Я не помнила этих слов. Но они были моими. Даже интонация была моей. Не Лидии. Не какой-то древней версии, которую удобно объявить виноватой и похоронить в чужом имени. Анны. Вот что всегда неприятнее всего в доказательствах: они редко выглядят чужими. Обычно они приходят твоим голосом.

Из кухни послышался шум. Андрей вошёл босиком, в тёмных брюках и футболке. Увидел ноутбук. Потом флешку. Потом меня.

- Я же просил.

- Я не включала.

Он подошёл к столу и посмотрел историю воспроизведения. Полоска стояла примерно на тридцать седьмой минуте. По его лицу я поняла, что это плохо, ещё до того, как он спросил, сколько я посмотрела.

Сейчас - минуты две. До этого - не знаю. И это было самым честным ответом. Я помнила диван. Пальто. Металл накопителя в ладони. Мысль о Кирилле, который сохранил, и об

Андрее, который помог забыть. Потом темнота сна. Между этим и пробуждением не было ничего. Никакого вставания, никакого ноутбука, никакого решения. А видео уже шло. Мой голос жил в комнате раньше меня.

Андрей вытащил флешку. Я потребовала вернуть. Он положил накопитель на стол, но ладонью накрыл сверху. Сказал, что я опять теряю время.

- Я спала.

- Возможно.

Вот это слово мне уже начинало надоедать. «Возможно» - любимая территория людей, которые знают больше тебя, но хотят оставить себе право не отвечать. Если он хотел сказать, что ночью я вставала, смотрела видео и потом всё забыла, пусть хотя бы произнесёт это вслух. Андрей не произнёс. Он не знал. Но подозревал. С мая.

Раздражение мгновенно вернуло бодрость.

- Замечательно. Что ещё вы забыли сообщить?

- Многое.

- Это уже даже не смешно.

- Я и не шучу.

Я выдернула флешку у него из-под руки. Он не стал удерживать. Это раздражало почти так же, как запреты: человек, который сначала не даёт, а потом даёт слишком легко, выглядит не уступившим, а снова решившим за тебя.

- В десять я еду к Кириллу. Одна.

Запрета не последовало. Я ждала его почти с надеждой,

потому что с запретом легче спорить, чем с молчаливым согласием. Андрей только смотрел. Желание снова возникло в нём - спокойное, глубокое, совершенно бесполезное для моего голода. Но рядом с ним было другое. Страх. Не передо мной. За меня.

Это оказалось неожиданно приятно.

Слишком приятно.

Я сразу отступила.

- Не надо, - сказал Андрей.

- Что?

- Вы опять начали.

- Я ничего не делала.

- Начали.

Он был прав. Почти незаметно я уже тянулась к тому, что происходило внутри него. Не чтобы насытиться. Чтобы убедиться, что его страх действительно связан со мной. Есть особая жалкость в желании быть причиной чужого страха, если этот страх похож на заботу. Мужчины веками путали контроль с любовью; женщины иногда начинали путать тревогу за себя с доказательством собственной ценности. Я презирала эту механику, что, разумеется, не мешало ей работать.

Пришлось остановиться.

Самой.

Андрей заметил. На его лице мелькнуло почти одобрение. Я сразу возненавидела это выражение.

- Не делайте из меня ученицу.

- Не собираюсь.

Флешка ушла в сумку.

- Тогда кофе.

- У меня нет.

- Вы живёте в Москве без кофе?

- Я почти не живу здесь.

Я осмотрела квартиру ещё раз. Вчера она показалась временной. Теперь стало ясно, насколько. Ни фотографий. Ни книг. Ни сувениров. Ни случайной кружки из поездки, купленной потому, что в какой-то день человеку захотелось доказать самому себе, что он был в другом городе. Даже одежды почти не было. Андрей жил так, будто заранее не хотел оставлять миру лишних доказательств собственного присутствия.

Когда он сказал, что живёт в разных местах, потому что так удобнее не привязываться, я посмотрела на него почти с уважением.

- То есть у вас даже интерьер философский?

Он улыбнулся.

- Кофейня через дорогу.

На улицу мы вышли вместе. Москва была серой и холодной. Люди шли на работу, смотрели в телефоны, покупали кофе, раздражались на такси, опаздывали. Город снова выглядел нормальным. Но теперь я чувствовала его иначе. Вчера вечером он пах едой. Сегодня - движением. Желания во-

круг были сотнями маленьких векторов, стрелками без карты. Кто-то хотел успеть. Кто-то хотел понравиться начальнику. Женщина возле перехода хотела, чтобы ребёнок перестал плакать. Мужчина у кофейни хотел сигарету сильнее, чем хотел бросить курить.

Раньше я автоматически делила желания на полезные и бесполезные. Сегодня впервые спросила иначе: откуда они взялись?

Мы зашли в кофейню. За соседним столиком молодой человек листал каталог автомобилей на экране планшета. Я чувствовала его довольно ясно. Он действительно хотел машину. Но если майская запись была правдой, вопрос состоял не в этом. Хотел ли он её до рекламы? До коллеги, который купил похожую? До отца, который однажды сказал, что мужчина без хорошей машины похож на временного жильца в собственной жизни? До первого детского воспоминания, где чужой автомобиль означал богатство, безопасность, взрослость, право говорить громче?

В какой момент чужая причина превращается в собственное желание?

Москва была идеальным местом для такого вопроса. Здесь человек мог считать себя свободным, стоя в очереди за кофе, купленным потому, что телефон показал скидку, офис ждёт к девяти, ипотека требует стабильности, тело требует бодрости, а жизнь требует хотя бы маленькой покупки до начала рабочего дня. Российская свобода вообще часто выгля-

дит как выбор между тремя видами зависимости: от денег, от страха и от людей, которые умеют оформлять первые две в документы.

Я поймала себя на том, что смотрю слишком долго. Андрей поставил передо мной чашку.

- Не ешьте людей до завтрака.

- Я думаю.

- Это иногда ещё опаснее.

Кофе оказался отвратительным.

- Может быть, вы всё-таки ангел смерти.

- Почему?

- Человек, добровольно пьющий такое, явно уже не слишком дорожит жизнью.

Впервые Андрей рассмеялся. Совсем коротко. Мне понравилось. И это тоже было моё. Я начинала привыкать к этой странной роскоши - желаниям, которые не приходили ко мне от других.

К десяти без пяти я была у здания Кирилла. Андрей не поехал. Только сказал перед расставанием:

- Если почувствуете голод - уходите.

- Я знаю.

- Нет. Этого вы пока не знаете.

И ушёл.

Компания Кирилла занимала два этажа бывшего промышленного здания на Дербеневской. Стекло, бетон, открытые потолки, растения в кадках, переговорные с названиями

городов. Всё выглядело как место, где старую индустриальную оболочку вычистили от станков, смазки, шума и рабочих рук, а потом поселили туда людей, которые производят уже не вещи, а поведение. Раньше в таких корпусах собирали металл. Теперь - человека из кликов, тревог, покупок, переписок и маленьких задержек взгляда.

Кирилл встретил меня сам. Без вчерашней рубашки. Тёмная водолазка, джинсы. Он всё ещё боялся. Страх ощущался почти физически. Но в нём было и другое. Интерес. Жертва, которая остаётся исследователем, - один из самых неприятных типов людей. Такого трудно пожалеть без раздражения.

Он посмотрел за моё плечо, будто всё-таки ожидал увидеть Андрея.

- Одна, - сказала я. - Как просили.

Кирилл провёл меня через офис. Людей было немного. Никто не смотрел на меня дольше обычного. Это радовало. После вчерашнего города любое обычное равнодушие казалось вежливостью высшего порядка. Мы вошли в переговорную. На стене висел большой экран. На стеклянной двери тонкой белой плёнкой было написано «Lisbon». Видимо, здесь считали, что если назвать комнату городом, разговоры в ней станут менее похожи на совещание. Не стали.

Кирилл закрыл дверь.

Он спросил про флешку и напрягся, когда узнал, что я смотрела немного. Всех, как выяснилось, очень волновал этот вопрос. После первого просмотра я изменилась. В пря-

мом смысле.

- С начала, - сказала я.

Он открыл ноутбук. Пальцы у него были спокойными. Слишком спокойными для человека, который вчера стоял у чужой двери со страхом в лице. Хорошие специалисты вообще многое умеют делать спокойными пальцами: подписывать отчёты, запускать модели, открывать файлы, в которых человек перестаёт быть человеком и становится набором параметров.

На экране появилась схема. Сначала я решила, что смотрю на обычный граф связей: точки, линии, группы, цветовые зоны. Потом заметила подписи. Покупки. Отношения. Карьера. Статус. Политика. Тело. Дети. Секс. Страх.

Не человек. Его разобранный двигатель.

Кирилл назвал это моделью мотивации конкретного человека. Точки и линии заполняли экран так плотно, будто у этого человека были серьёзные проблемы. Кирилл сказал, что у всех примерно так. Было унижительно: люди любят думать о себе как о романах, а выглядят, если достаточно отдалить взгляд, как схема метро после аварии.

Сначала компания Кирилла просто прогнозировала действие: что человек купит, куда пойдёт, на что нажмёт, от кого отпишется, когда сменит работу. Потом они поняли, что действие - слишком поздно. Когда человек уже что-то сделал, решение, по сути, мертво. Настоящая власть начинается раньше, там, где причина ещё выглядит случайностью.

Кирилл увеличил участок графа. Человек увидел новый тип ипотечной программы. Ничего не сделал. Прочитал статью. Услышал от знакомого про купленную квартиру. Банк показал рекламу. Жена начала чаще говорить о детях. Аренда подорожала. Тревожность стала выше. На экране линии постепенно сходились в один яркий узел. Через семь месяцев он купил квартиру и был совершенно уверен, что решил сам.

- Мы не создавали решение, - сказал Кирилл. - Мы меняли вероятность того, что одни причины окажутся заметнее других.

- Красивое оправдание.

- Это математика.

- Математика вообще часто используется как красивое оправдание.

Кирилл улыбнулся с усталой узнаваемостью.

- Ты сказала почти то же самое в апреле.

- Я начинаю себе нравиться.

Он переключил экран. В переговорной стало тише, хотя звуков и до этого почти не было. Только слабое жужжание вентиляции, далёкий офисный гул за стеклом и сухой щелчок клавиш под пальцами Кирилла. Появились записи с мужчиной из утреннего файла. Тот самый тип желания: машина, статус, безопасность, возможность не доказывать, что имеешь право на собственное место в мире. Кирилл объяснил: участнику три месяца показывали разный контент -

объявления, статьи, рекомендации, видео. Ничего незаконного, ничего грубого, ничего такого, что нельзя было бы назвать обычной средой. В итоге мужчина захотел выбранную системой машину. Не купил, но захотел.

- И это тебя не пугало?

- Сначала радовало.

- Почему?

- Потому что работало.

Честность иногда страшнее оправдания. Оправдание хотя бы пытается выглядеть человеком. Честность хорошего специалиста просто показывает устройство механизма и ждёт, оценишь ли ты качество сборки.

Потом появилась я.

Не из воздуха, конечно. Через одного инвестора. Имя Кирилл назвал ровным голосом. Я знала этого мужчину. Очень хорошо. Три года назад он почти полгода пытался развестись с женой ради меня, хотя я никогда его об этом не просила. Питательный был человек. Удобный. Из тех, кто считает свою готовность разрушить семью доказательством глубины чувства, а не слабости характера.

Майская Анна заметила в нём изменение. Его желания стали пустыми. Это слово. Пустыми. На аудиозаписи мой голос сказал: «Он хочет всё то же самое. Но раньше желание росло из него. Теперь оно как будто приходит уже готовым».

Кирилл остановил запись.

Внутри стало холоднее. Вот эта нить тянулась от первых

клиентов агентства, от Виктора, от директора, от людей, которые хотели всё то же самое, но так, будто внутри них уже не было хозяина желания. Готовое желание. Полуфабрикат личности. Москва всегда любила полуфабрикаты: квартиры с ремонтом от застройщика, отношения с прописанными ролями, мечты под ключ. Теперь, видимо, дошла очередь до внутренней жизни.

Я села.

Эксперименты начались не сразу. Сначала я проверяла людей. Кормилась. Они приводили участников, часть была под воздействием системы, часть нет. Я не знала, кто есть кто. Первые двенадцать человек - почти идеальный результат. Потом точность упала до случайной.

Кирилл показал таблицу. Я ненавидела таблицы, особенно когда они касались меня. В таблице любое чудовище выглядит как аккуратный набор строк, а аккуратность всегда слегка оправдывает насилие. В графе «эффективность» даже кровь высохла бы красиво.

Чем сильнее участник считал желание своим, тем меньше я чувствовала разницу.

- Значит, оно становилось настоящим.

- Вот тут мы и поспорили.

Майская я сказала тогда: если человек действительно хочет, какая разница, откуда это началось? Кирилл ответил, что разница в свободе. Очень благородно для человека, который этим зарабатывал. Я, по его словам, рассмеялась и спро-

сила, может ли он назвать свободным хоть одно собственное желание, если честно проследит его происхождение.

Верилось легко.

Свобода вообще прекрасно выглядит, пока не начинаешь вспоминать родителей, бедность, чужие тела, рекламу, страх одиночества, школьный стыд, первый комплимент, первый отказ, город, в котором ты вырос, и пол, с которым тебя выдали миру. Женщинам столетиями объясняли, чего они «на самом деле» хотят. Замуж. Детей. Молодость. Безопасность. Страсть. Спокойствие. Свободу, но красивую. Независимость, но не пугающую. Теперь машина делала то же самое без священника, мужа, матери, психолога и редактора глянцевого журнала. Просто показывала график.

От этого становилось не менее мерзко. Только аккуратнее.

Потом майская Анна захотела проверить себя. Если воздействие работает через цепочки желания, на мне оно должно было работать иначе. Потому что я не человек. Кирилл произнёс это спокойно, словно речь шла о группе крови. Да, его это смутило. Да, эксперимент всё равно провели. Потому что я предложила доказательство.

- Меня, - сказал он.

В комнате стало тихо.

Вот где жило настоящее отвращение. Не в том, что он согласился. В том, что я предложила. Кирилл был не партнёром, не любовником, не случайной жертвой. Майская я сделала из живого человека измерительный прибор. Использо-

вала его страх, желание, тело и риск смерти как доказательство гипотезы. Учёные хотя бы долго придумывали этические комитеты, чтобы потом обходить их со скучающим лицом. Мне, видимо, хватило собственной уверенности.

Кирилл не стал рассказывать всё подробно. Сказал только, что я показала, что могу сделать с человеком без прикосновения. Потом остановилась. Тогда он был уверен, что сама. Белый шрам у его виска стал заметнее, когда он произнёс «тогда». Рука Кирилла на секунду легла на край стола. Не дрожала. Просто легла. Иногда тело помнит страх гораздо честнее лица.

После этого меня подключили к эксперименту.

Не проводами. Стимулами. Люди, лица, истории, воспоминания, последовательности. Смотрели, меняется ли то, кого я хочу, чего боюсь, к чему тянусь. Я не просто согласилась. Составила половину протокола.

Это было неприятно похоже на меня.

Кирилл открыл другой файл. График. Несколько линий. У обычного человека модель постепенно сходится к устойчивому набору предпочтений. Можно ошибиться в деталях, но со временем система понимает, какие стимулы связаны между собой сильнее других. У меня линии расходились, сходились, снова расходились, создавали новые центры.

Сначала они решили, что ошибка. Потом добавили данные.

Стало хуже.

- Хуже?

Кирилл ткнул пальцем в несколько участков.

- В один и тот же момент система находила несколько несовместимых моделей. Одна версия тебя хотела уйти из эксперимента. Другая - продолжить. Одна боялась меня. Другая хотела меня. Третьей я вообще был безразличен.

- У людей тоже бывают противоречия.

- Конечно. Но у человека противоречия принадлежат одной модели. У тебя модели вели себя так, словно каждая считала остальные внешними.

Тело невольно напряглось.

Слишком легко было бы назвать это раздвоением личности. Слишком бытовое слово, слишком удобная полка. Кирилл даже не дал мне спрятаться туда.

- Раздвоение предполагает две, - сказал он.

Сколько же, хотелось спросить и не хотелось одновременно.

Иногда три. Иногда семь. Один раз система посчитала двадцать одну.

Я засмеялась. Он нет. Смех исчез сам.

Алгоритм мог ошибаться. Конечно, мог. Алгоритмы вообще часто ошибаются с видом людей, которые считают, что если ошибка повторилась миллион раз, она становится закономерностью. Но потом произошло то, чего алгоритм, по словам Кирилла, сделать не мог.

Он вставил мою флешку в ноутбук.

- Последний файл.
- Андрей сказал не смотреть.
- Андрей много чего говорит.

Видео открылось. Та же лаборатория. Я сидела одна перед экраном. Лидия. Или Анна. Или кто-то, кому пока приходилось отдавать моё лицо просто потому, что другого у меня под рукой не было. Из динамика звучал вопрос:

- Чего ты хочешь сейчас?

Экранная женщина молчала.

Вопрос повторили.

- Чтобы вы перестали спрашивать.

- Почему?

- Потому что вопрос неправильный.

Камера поймала, как я поднимаю глаза.

- Ты всё неправильно измеряешь.

За стеклом появился Кирилл.

- Что именно?

- Ты ищешь, чего я хочу.

- Да.

- Сначала найдите ту, которая хочет.

На записи кто-то засмеялся. Экранная я не улыбнулась.

- Я серьёзно.

Кирилл нажал кнопку связи. Он тогда ещё пытался понять, метафора это или нет. Наивный человек. Люди вообще обожают объявлять метафорой всё, что не готовы принять буквально.

Моя экранная версия посмотрела прямо в камеру:

- Если желание меняется, ты считаешь, что изменился объект желания. Если сильно меняется человек, считаешь, что изменилось состояние. А если меняется тот, кто говорит «я»?

После этого картинка дёрнулась. На экране появились технические строки. Система несколько раз перезапустила анализ. Лица моей экранной версии стали меняться. Анна. Лидия. Незнакомая женщина. Снова Анна. Потом ещё одна. Белый свет переговорной вдруг показался слишком похожим на свет той лаборатории в записи. Такой свет придумывают люди, которым нужно видеть всё и не чувствовать ничего.

Кирилл остановил запись.

Дальше, по его словам, я напала на него. Почему - он не знал. Перед этим начала говорить на языках, которых он не знал. Один потом определили как старый французский. Другой не смогли.

- Очень удобно.

- У меня есть запись.

- Потом.

Сейчас важнее было другое. После того как систему остановили, я продолжила меняться. Эксперимент закончился. Распад - нет. Кирилл сначала думал, что они меня сломали. Теперь думал, что сняли крышку.

- С чего?

Он посмотрел на меня.

- С тебя.

Очень неприятная фраза. Так говорят о банке, ящике, гробе или о женщине, которую почему-то решили наконец «раскрыть». Мне захотелось, чтобы он немедленно подобрал другой образ. Но точность, кажется, была именно в этом. Крышка. Давление. То, что слишком долго находилось внутри и теперь получило воздух.

Кирилл спросил: что если старые личности не исчезают?

- Лидия не личность.

- А кто?

- Я. Раньше.

- Почему ты в этом уверена?

- Потому что помню.

Он даже не стал напоминать, насколько можно доверять моей памяти. Хватило взгляда.

Я встала.

- Осторожнее.

Он тоже поднялся. Страх вернулся, но не отступил. И это злило почти сильнее, чем если бы он был трусом.

- Ты говоришь «я» так, будто слово решает проблему.

- Для большинства людей решает.

- Большинство людей живёт меньше ста лет и не меняет форму вместе с именем.

Представь, сказал он, что Лидия не стала Анной. Представь, что Анна просто стала сильнее Лидии. Я назвала

это бессмыслицей. Лидии больше нет. Где доказательство? Обычный вопрос, но рот не нашёл ответа. Человеческий закон решил бы проблему за секунду: одно тело, один субъект, одна подпись, одна налоговая ответственность. Метафизика оказалась хуже российского документооборота: формально всё числится за тобой, но никто не может объяснить, кто именно подписал старые бумаги.

Кирилл говорил уже осторожнее. Я меняла имена, лица, привычки, языки, эпохи. Каждая новая версия считала себя продолжением предыдущей, потому что получала её воспоминания. А если это не продолжение? Если это наследование?

Слово зависло между нами.

Наследование. Не жизнь, а передача имущества. Не «я стала другой», а «другая получила доступ к архиву, телу, голоду и нескольким привычкам». В России с наследством вообще всё понятно: живой ещё не остыл, а будущее уже спорит, кому достанется квартира, долги и неприятные семейные тайны. Может быть, мои версии делали то же самое. Только делили не недвижимость. Делили право называться мной.

- Ты сейчас пытаешься убедить меня, что я убиваю себя каждые несколько десятилетий?

- Нет. Я говорю, что мы не знаем, что происходит.

- А твоя система знает?

- Нет. Она просто впервые показала, что вопрос существу-

ет.

Я подошла к окну. Внизу люди шли вдоль набережной. Каждый выглядел удивительно законченным. Наверное, потому что я не знала ничего о том, сколько разных людей помещается внутри каждого.

- Почему я попросила Андрея всё забыть?

Кирилл долго молчал.

После третьего дня я стала опасной. Не для других. Для себя.

Он достал ещё один файл. Не видео. Аудио.

- Я не хотел это показывать.

- Сегодня у всех такая привычка.

- Ты записала сама.

Он нажал воспроизведение.

Мой голос. Тихий. Уставший.

«Если это снова будет Анна, не верь ей».

Внутри всё остановилось.

Запись продолжилась. Шорох. Дыхание. Потом тот же голос:

«Она будет думать, что первая. Они всегда так думают».

Я стояла у окна и чувствовала, как офис вокруг становится слишком чётким. Стекло. Серый пол. Экран. Кирилл за столом. Светлая линия на его виске. Мир любезно сохранял резкость, пока моё представление о себе теряло края.

«Если она спросит, сколько было до неё, не отвечай. Это заставит её искать».

Кирилл выключил.

- Дальше.

- Не надо.

- Дальше.

Он посмотрел на меня и включил снова.

«Главное - не позволяй ей найти самое первое имя».

Пауза.

Потом почти шёпотом:

«Потому что его нет».

Запись закончилась.

Я стояла у окна. Город продолжал работать. Машины ехали. Люди хотели. Кирилл что-то говорил, но звук не сразу дошёл до смысла. У меня вдруг появилось очень ясное воспоминание. Ночь. Свеча. Чьи-то руки. Меня называют Агатой. За ним сразу другое: улица в Париже, другое имя, мокрая мостовая. Потом комната, которой я никогда раньше не помнила. Мужчина спрашивает, как меня зовут.

Я отвечаю.

Но имени не слышу.

Воспоминания пошли одно за другим. Не как память. Как толпа, которой открыли дверь.

Я схватилась за подоконник.

- Анна?

Кирилл приблизился.

Ошибка.

Его страх вспыхнул. Я почувствовала его вкус. Голод

проснулся мгновенно. Но вместе с ним проснулось что-то ещё, и не одно. Внутри меня что-то захотело Кирилла. Другое - убить. Третье - убежать. Четвёртое почему-то знало запах его кожи. Не из видео. Не из слов. Знало так уверенно, будто когда-то уже стояло к нему слишком близко.

Я резко отступила.

- Не подходите.

Кирилл замер.

- Ты меня узнаёшь?

- Нет.

Это была правда. И одновременно неправда. Где-то внутри меня кто-то узнал его слишком хорошо.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Андрея. Всего три слова:

«Не ищите первую».

Я посмотрела на экран. Потом на Кирилла.

- Ты ему сказал?

- Нет.

- Тогда откуда он знает?

Кирилл побледнел. И в этот момент стало ясно: впервые с начала разговора он испугался не меня.

- Анна, - сказал он. - Уходи отсюда.

Он смотрел куда-то за моё плечо.

Я обернулась.

На большом экране, который мы выключили несколько минут назад, сама собой появилась строка.

ПРОФИЛЬ ВОССТАНОВЛЕН

Ниже:

СУБЪЕКТ: АГАТА

Я не успела ничего сказать. Строка исчезла. Появилась другая.

НЕВЕРНО

Потом ещё одна.

ПОПЫТКА 2

Кирилл бросился к компьютеру. Экран погас. Через секунду включился снова.

СУБЪЕКТ: АННА

НЕВЕРНО

Холод прошёл по телу так ровно, будто кто-то провёл пальцем по внутренней стороне кожи.

- Кирилл.

Он не отвечал. На экране появилась третья строка. На этот раз без имени.

СУБЪЕКТ ОТСУТСТВУЕТ

А ниже, через несколько секунд:

ЖЕЛАНИЕ ОБНАРУЖЕНО

Я смотрела на эти слова и впервые в жизни не понимала, кто именно внутри меня испугался.

Глава шестая

Экран погас раньше, чем Кирилл успел дотронуться до клавиатуры.

Одновременно погас свет. Не только в переговорной. За

стеклянной стеной исчезли мониторы, лампы, зелёные индикаторы на потолке, белая офисная уверенность в том, что всё важное обязательно подключено к резервному питанию. Помещение провалилось в серую утреннюю полутьму. У таких офисов странные отношения с реальностью: пока горит свет, кажется, что человек победил хаос с помощью стекла, бетона, пропусков и календаря встреч. Стоит электричеству моргнуть - и сразу видно, насколько всё это держалось на тонкой проводке.

Кирилл замер. Его страх вспыхнул быстро, свежо, почти болезненно. Голод сразу потянулся к нему. Не как мысль. Как мышца. Я отступила к окну раньше, чем успела придумать для этого достойную причину.

Теперь это требовало сознательного усилия. Раньше приходилось решать, брать или не брать. Сейчас решение состояло в том, чтобы не позволить чему-то внутри меня принять решение вместо меня. Большой прогресс: существо в возрасте нескольких столетий наконец научилось не есть испуганного мужчину в переговорной. Можно было бы выдать сертификат зрелости, если бы руки не стали такими холодными.

В коридоре открылась дверь. Кто-то выругался. Плышали шаги, голоса, щелчки выключателей. Через несколько секунд включилось аварийное освещение. Большой экран тоже ожил. На нём больше не было надписей. Только чёрный фон, как аккуратно закрытый рот.

Кирилл быстро захлопнул ноутбук.

- Уходим.

Я не стала спорить. Это понравилось ему ещё меньше. Люди вообще начинают нервничать, когда опасный собеседник внезапно оказывается разумным. Он первым вышел из переговорной. Я пошла следом.

Офис уже приходил в движение. Сотрудники выглядывали из кабинетов, кто-то фотографировал погасшие панели, кто-то звонил технической службе. Аномалия, произошедшая между девятью и шестью, сначала становится рабочей задачей. Конец света в офисе оформляют через заявку, потом назначают ответственного, потом спрашивают, почему не был соблюден регламент. Даже ад выглядит менее страшно, если к нему прикрепить номер обращения.

Мы прошли метров двадцать, когда появился первый неправильный взгляд.

Девушка возле принтера смотрела на меня слишком долго. Не с интересом. Не с желанием. С узнаванием. Я не знала её. Она знала меня. Это оказалось гораздо неприятнее мужского влечения. Желание оставляет между людьми расстояние: один хочет, другая может взять, отказаться, использовать, презреть. Узнавание расстояние убирает. Оно лезет ближе, чем прикосновение, потому что сразу ведёт себя так, будто уже имеет право.

Девушка открыла рот.

- Агата?

Я остановилась. Кирилл схватил меня за локоть. Рука дёрнулась сама.

- Не трогай.

Девушка уже выглядела растерянной. Её уверенность распалась на лице, как плохой грим под дождём.

- Простите. Я вас с кем-то перепутала.

Мы пошли дальше. До лифта оставалось несколько шагов. Мужчина с чашкой кофе повернулся в мою сторону. На секунду его лицо стало лицом человека, который встретил знакомую в неожиданном месте.

- Лида?

Кирилл нажал кнопку вызова. Лифт молчал. За спиной кто-то произнёс ещё одно имя. Женское. Потом мужское. Некоторые я помнила. Большинство нет. На несколько секунд офис наполнился моим прошлым, но не как архив. Как толпа людей, которым кто-то раздал неправильные фотографии и сказал: ищите.

Лифт не приехал. Кирилл потащил меня к лестнице. На этот раз я позволила. Мы начали спускаться. На пролёте между этажами он достал телефон. Связи не было. На площадке стояла женщина лет пятидесяти в строгом костюме. Увидев меня, она прижала ладонь к груди.

- Мария?

Я прошла мимо. На первом этаже стало хуже. Охранник поднялся из-за стойки и назвал меня именем, которого я никогда раньше не слышала. Во всяком случае, мне так каза-

лось. После последних суток фраза «никогда раньше» перестала быть фактом и стала просьбой к памяти вести себя прилично.

Кирилл открыл служебную дверь. Мы вышли во двор. Холодный воздух ударил в лицо. Я вдохнула. Город был тем же. Машины. Люди. Светофоры. Река за домами. Но ощущение нормальности уже исчезло. Офис позади нас светился серым аварийным светом, и в его окнах стояли люди. Несколько человек смотрели прямо на меня.

- Почему они меня узнавали?

- Не тебя.

- Очень утешительно.

Кирилл быстро пошёл к стоянке. Машина пикнула, открываясь. Он распахнул заднюю дверь, но я не села.

- Сейчас не время, - сказал он.

- Именно сейчас время.

Злость вытеснила страх, и это было полезно. Собственная злость по-прежнему ощущалась чище чужого желания. Я показала на здание:

- Ты только что показал мне систему, которая утверждает, что субъекта нет. Потом половина офиса начинает звать меня чужими именами. Я никуда не сяду, пока не услышу, что ты сделал.

Кирилл посмотрел на окна. Один из сотрудников всё ещё стоял за стеклом и не отводил взгляда.

- Я ничего не включал.

Он сказал это слишком быстро для лжи и слишком страшно для правды.

Система, по его словам, была отключена с мая. Доступ имели очень немногие. Пятеро. Имена - потом. Вот это «потом» стало любимым словом мужчин в моей жизни. Не время, а иерархия. Я знаю, ты пока нет. Я решаю, когда тебе можно. Цивилизация научилась пересаживать сердца, запускать спутники и учить холодильник заказывать молоко, но так и не смогла отказаться от древнего мужского жеста: придержать правду, чтобы женщина не поранилась о собственную жизнь.

Я не сказала этого вслух. Просто села в машину.

Кирилл тронулся слишком резко. На перекрёстке включил радио. Ничего необычного. Новости, пробки, реклама ипотеки. Обычный мир продолжал работать. Это раздражало почти физически. После настоящего страха хочется, чтобы реальность хотя бы немного уважала произошедшее: небо потемнело, люди замолчали, музыка оборвалась. Но миру всё равно. Ты можешь узнать, что не существуешь, а светофор всё равно будет красным.

Связь на телефоне вернулась. Три пропущенных от Андрея. Я не перезвонила. Кирилл заметил, но ничего не сказал.

Мы ехали вдоль реки. Люди на тротуаре двигались по своим коротким траекториям. Я впервые пыталась не чувствовать их желания, а смотреть, как быстро они становятся кем-

то под чужим взглядом. Молодая женщина поправила волосы, увидев своё отражение в витрине. Мужчина возле дорожной машины выпрямился, когда мимо прошли двое других. Девушка в спортивной форме остановилась перед камерой телефона и втянула живот. Всё это было так обычно, что почти никто не назвал бы это превращением.

Человеческое «я» производилось непрерывно. На улице, в лифте, в зеркале, в переписке, в очереди за кофе, перед начальником, перед человеком, который может захотеть или отвернуться. Я всегда считала себя существом, которое этим пользуется. Теперь появилась неприятная мысль: может быть, я отличалась от людей только масштабом. Женщина меняет голос рядом с мужчиной, которого хочет. Мужчина меняет походку рядом с тем, кого боится. Ребёнок становится умным рядом с родителями, которые ждут от него ума. Работник становится уверенным перед начальником. Все носят десятки лиц. Просто большинство умирает раньше, чем эти лица успевают потребовать отдельные паспорта.

Я прожила достаточно долго, чтобы мои лица начали спорить за право называться мной.

Кирилл свернул с набережной.

- Куда мы едем?

- В место без сети.

Конечно. У каждого приличного человека, занимающегося управлением чужими решениями, должен быть подвал без сети. Иначе где хранить совесть.

Страх в Кирилле постепенно сменялся сосредоточенностью. Голод реагировал слабее. Это было хорошо. Я смотрела на его руки на руле. Пальцы держали кожу слишком крепко.

- Они знали мои имена.

- Похоже.

- Откуда?

Если система подняла старые массивы, сказал он, там могли быть некоторые имена. Некоторые. Во время эксперимента я сама давала их после стимулов: фотографии городов, тексты, музыка, запахи, человеческие лица. Сколько? Он не хотел отвечать. Потом всё-таки сказал.

- Сорок три.

Я рассмеялась. Не потому, что было смешно.

Сорок три. Это было уже не прошлое. Это было население.

- Я не помню сорок три имени.

- Ты тогда тоже не все помнила.

Прекрасно. Даже мои забытые версии забывали другие версии. Внутри меня, кажется, давно работало ведомство, где каждый отдел терял документы предыдущего, но продолжал требовать полномочий.

Кирилл сказал, что не говорил раньше, потому что это не доказательство. Всё, что касалось меня, почему-то требовало особенно строгих доказательств. Он ответил, что я очень быстро превращаю предположение в воспоминание.

Это уже происходило. На второй день эксперимента мне показали фотографию старого дома в Праге. Я сказала, что жила там в семнадцатом веке. Дом построили в девятнадцатом.

Сначала пришла злость. Потом пустое, неприятное место под рёбрами. Память соврала. Или фотография зацепила другое воспоминание, а я сама пришила его к дому, как поддельную подкладку к старому пальто. Кирилл говорил, что разница огромная. Возможно. Для человека с нормальной жизнью разница между ошибкой памяти и ошибкой интерпретации действительно важна. Когда за спиной несколько веков, оба варианта выглядят как дурно оформленное алиби.

Я подумала о собственной жизни. Сотни лет. Десятки городов. Мужчины, которых я якобы любила. Мужчины, которых точно использовала. Женщины, с которыми дружила. Войны. Переезды. Пожары. Лица. Сколько из этого случилось? И сколько я просто слишком много раз рассказывала себе? Память не хранит прошлое. Она каждый раз заново пишет его человеку, который существует сейчас. Может быть, поэтому людям так трудно прощать: им кажется, что они защищают событие, хотя на самом деле защищают текущую редакцию себя.

Машина остановилась возле старого административного здания. Никаких вывесок. Боковая дверь. Лестница вниз. Подвал пах пылью, холодным бетоном и тем особенным электрическим запахом старой техники, который всегда на-

поминает, что железо стареет честнее людей. На столе стоял компьютер без подключения к сети. Толстый корпус, старый монитор, клавиатура с вытертыми буквами. После стеклянного офиса Кирилла это выглядело почти неприлично материальным.

- Очень уютно.
- Резервное помещение.
- Для конца света?
- Для ситуаций, когда нельзя доверять сети.
- Например, когда сеть узнаёт бессмертную женщину под сорока тремя именами?

Он не ответил. Компьютер включился с низким гулом. Кирилл вставил другой накопитель. На экране появились папки. Здесь была копия эксперимента. Не полная. Полную копию после мая приказала уничтожить я. Кирилл послушался частично. Очень профессионально. Он сказал, что не доверял мне. Наконец что-то разумное.

Перед нами открылась таблица имён. Анна. Лидия. Агата. Елизавета. Потом незнакомые. Некоторые на русском. Некоторые на французском, немецком, ещё языки, которые я не сразу определила. Рядом стояли не годы жизни, не места, не человеческие даты рождения и смерти. Временные отметки эксперимента. Система не уважала биографию. Она уважала лог.

Кирилл назвал это моментами появления идентичностей.

- Не называйте их так.

- Как?

- Именами.

Он принял поправку слишком быстро. Так обычно соглашаются люди, для которых слово не меняет сути таблицы. Для него это были метки. Для меня - могилы без тел или тела без могил, тут ещё предстояло разобраться.

Кирилл открыл график. Сначала линии ничего не говорили. Потом закономерность проявилась: чем сильнее менялся набор стимулов, тем чаще менялись имена. Но некоторые возвращались. Анна. Лидия. Агата. Ещё одно. Мара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.